

ЕВГЕНИЙ БАБУШКИН

Тосты Чеширского кота



Евгений Бабушкин

Тосты Чеширского кота

«Издательские решения»

Бабушкин Е.

Тосты Чеширского кота / Е. Бабушкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854353-1

Евгения Бабушкина читать приятно, забавно и смешно! Гораздо приятнее, чем самим переживать то, о чём он пишет. Герои книги — внешне простые люди: отважные советские солдаты, храбрые израильские психиатры, весёлые и мрачные пациенты. Но в каждом скрыта своя изюминка, и вот её-то автор отлично умеет выковырять и разжевать. Поэтические откровения персонажей позволяют заглянуть в самую глубину их души. Стихи пронизаны тонкой иронией и юмором; заряд оптимизма Е. Бабушкина незаметно становится вашим!

ISBN 978-5-44-854353-1

© Бабушкин Е.
© Издательские решения

Содержание

А для начала – тост	7
Полярное сияние	8
Пролог	8
1	9
2	11
3	15
4	18
5	24
6	29
7	32
8	36
9	41
10	44
11	47
12	52
13	54
14	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Тосты Чеширского кота

Евгений Бабушкин

*Автор искренне благодарит Станислава Салтанова и Татьяну
Ковалеву-Bertilsson,
без которых эта книжка
просто не появилась бы никогда.*

Спасибо, друзья!

Иллюстратор Евгений Бабушкин

© Евгений Бабушкин, 2017

© Евгений Бабушкин, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-4353-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Перевод с иврита там, где это было необходимо
– Станислав Салтанов

Абсолютно все фамилии, прозвища, ситуации, исторические факты,
координаты, географические названия и стихи вымышлены от начала
до конца

В этой книге чего только нет. Солдаты советской армии, сумасшедшие, врачи, офицеры, поэты – это только то, что касается профессий. Советский Союз, Россия, Израиль, Тикси, Беэр-Шева, Гонолулу, Нью-Йорк, Якутск – это то, что касается географии.

Всё в этом мире переплетено, скручено и часто оказывается ближе, чем должно было бы быть на самом деле. Поэтому любой человек на своем пути может оказаться неизвестно где, неизвестно почему и неизвестно как... И часто это бывает если не весело, то забавно, даже если и грустно...

Потому, что жизнь – это серьезно. Серьезно, но не очень...

Посвящается Елене Вайнер



А для начала – тост

Предисловия писать просто. Нужно немного напрячься и подумать о чем-то отвлечённом. Когда думаешь об отвлечённом, мысли начинают утекать в разных направлениях, и тут важно не сплосховать, ухватиться за первое слово и начать.

Каждый мужчина постоянно что-то должен. Построить дом, посадить дерево, родить сына и при этом постараться ничего не перепутать. Некоторые знатоки убеждены, что мужчина должен еще повоевать и посидеть в тюрьме, но это на любителя, мне кажется. Хотя постоянно проживая в этой стране, я понимаю, что приоритеты в любой момент могут быть расставлены иначе.

Некоторым, особо удачливым мужчинам, при этом, кто-то даёт дар рассказчика или поэта, а в особых случаях – соединяет эти две способности. И здесь следовало бы сразу вспомнить одно важное начало русской иронической литературы – медицину. А. П. Чехов, М. А. Булгаков, Г. И. Горин, А. М. Арканов своим творчеством доказали, что медик – это иногда литератор, а порою такой литератор, который уже и не медик вовсе.

И тут, возвращаясь к слову «должен», необходимо заметить, что литератор – медик (или медик-литератор, кому как нравится) обязательно должен издать книгу, должен настолько, что у некоторых не медиков возникает желание поучаствовать в этом.

Со стихами Евгения Бабушкина я знаком уже больше тридцати лет. Лет десять назад, видимо не оправившись от шока, связанного с возвращением на родину предков, он начал писать прозу. Очень хорошую прозу, надо сказать.

В этой книге опубликовано два замечательных произведения Е. Бабушкина под одной обложкой, так что вы теперь можете улыбнуться, удивиться и, уверен, получить удовольствие от чтения. А жизнь идет, приближаясь к середине. Но я верю, что впереди ждет еще немало радостного и удивительного, придут новые строчки и строфы...

Главное, чтобы хватило времени. Ну, так до ста двадцати! Лехаим!

СТАНИСЛАВ САЛТАНОВ

Полярное сияние (Нелирическая поэма)

«...Сіе великое свѣщеніе небесъ, именуемое Полярнымъ Сіяніемъ не къ добру, но къ худу разверзлось надъ нами. Упомянутое явленіе сѣверной натуры зѣло смущаетъ умы нашегу оскудѣшаго и безъ таго экипажу и помрачаетъ мысли, дѣлая ихъ безумными и наводя невыносимую тоску...».

Капитанъ-командоръ Витусъ Ионассенъ Берингъ

...из дневника экспедиции, обнаруженного в последнем лагере на острове, впоследствии названном островом Беринга...

Пролог

Любой человек, имеющий на своем компьютере программу «Google Earth», и окончивший школьный курс географии хотя бы на тройку, может в упомянутую программу ввести следующие координаты: 71.39'37 северной широты и 128.40'38 восточной долготы.

Взору наблюдателя откроются антенны, расположенные правильным кругом, а в центре этого круга – большое здание. Можно увидеть еще несколько строений чуть к югу. Это – РПЦ. Учреждение, не имеющее ровным счетом никакого отношения к Русской Православной церкви, но тоже немаловажное.

Место это называется «Радио-Пеленгационный Центр», он же – Первая Площадка. Единственная дорога ведет на юго-восток. Следуя по ней, можно вскоре добраться до Т-образного перекрестка и повернув налево, попасть километра через полтора в подобию настоящего поселка. Там имеется несколько двухэтажных сооружений жилого вида, домишки поменьше, склады и прочие необходимые для жизни строения. Это военная часть номер 141..5. Вокруг нее тундра. Чуть северней – побережье Ледовитого океана.

1

...Осенью 1983 года, Як-40 Туймадского авиапредприятия приземлился в небольшом аэропорту поселка Тикси, разметав реактивной струёй живой узор позёмки на полосе.

Команда призывников, тридцать восемнадцатилетних балбесов, дрожали от вчерашней обильной водки, выпитой на сборном пункте. Все тридцать, матом и легкими тычками, были проворно погружены в Газ-66, вахтовку, со строгим наказом не выпасть по дороге. Уже через час вся шайка этого штатского сброда, по выражению сопровождающего купца-майора, была сколочена в подобие военного строя возле КПП. Пара сержантов, изображая служебное усердие, покрикивали, матюгаясь деловито, но без особой злобы.

...Я стоял на правом фланге, постигая по мере сил, эту новую, мешком свалившуюся на меня жизнь. Еще неделю назад я шустрил санитаром в теплой вонючей перевязочной городской травматологии, а нынче колючие снежинки секли мою опухшую от проводин морду, и мутный мужик в военной форме кричал, чтобы я построился в колонну по четыре...

Сморщенный, опёнокподобный человечек с погонами прапорщика сообщил скрипучим голосом гнома, что нас ожидает санобработка с последующей выдачей формы зимнего образца.

– Согласно уставу! – добавил сердито человек-опёнок, – направо за-мной-шагом-марш!

Стараясь идти в ногу, мы побрели за Грибным Прапорщиком по утопанному до ледяной твердости снегу, разглядывая в суете начинающейся пурги мутные желтки прожекторов на крышах двухэтажных зданий.

Навстречу, мелкими группами и поодиночке, начали попадаться другие военные. Ясно было, что это солдаты, но выглядели они как-то странновато. Шапки их были квадратными, да к тому же ярко синими.

Тела квадратноголовых были наряжены в узкие черные куртки с поднятыми воротниками неизвестного меха, а ноги втиснуты в штаны, напоминающие более лосины гвардейцев времен Екатерины Великой.

Валенки имели отвороты, изукрашенные резными зубцами, что живо напомнило мне иллюстрации к сказке про кота в сапогах, где подобные отвороты украшали котовые сапоги.

Странно одетые солдаты смеялись радостно и, показывая пальцами на нас, кричали:

– Красноярск есть?! Туймадск есть?! Норильск есть?!

Но еще чаще они ликующе выкрикивали совсем уже загадочную фразу:

– Гуси, вешайтесь!!!

Метров через сто стало ясно, что гуси – это мы, и вешаться предстоит именно нам...

...Санобработка оказалась обычной баней. В предбаннике нам было велено раздеться, свалив в кучу гражданское барахло.

– Ценные предметы гражданского гардероба следует сложить отдельной укладкой для отправки вашим семьям по почте, – объяснил Грибной Прапорщик.

Подходящих вещей не нашлось ни у кого. По старой российской традиции в армию ехали в том, что не жалко выбросить.

– Все равно скоммуниздят, – объясняли нам перед призывом бывалые, отслужившие пацаны...

Все живо поскидывали вещи и принялись торопить одного отстающего, которым оказался хмурый парниша полуметрового роста. Он медленно и крайне основательно складывал стопкой свое ветхое бельишко, не обращая внимания на суету вокруг.

– Эй, боец, давай поживее, – подскочил к нему Грибной Прапорщик.

– Я поживее не могу, – подумав секунд десять, ответил парниша.

– Это как так не могу? – изумился прапор, отвыкший от подобных ответов.

– Это так вот, что человек я такой, серьезный и основательный, – невозмутимо сказал коротышка, продолжая пристраивать мрачные носки на вершину бельевого стопочки.

– Надо же, – проскрипел Грибной Прапорщик, – Какой ты солидный! Фамилия?

– Батюков. И чё? – ответил полутораметровый.

– Через плечо, – тонко сострил прапорщик, – ты прямо министр какой-то, Батюков! Атаман и предводитель. Гонору имеешь много. А ну, встать, Батюков! Мать твою через ехидну, в три просвета с разгону!

Парниша вскочил, чем вновь заставил оторопеть товарища прапорщика.

– Что же это такое... – растерянно пробормотал прапор, упершись тяжелым взором в нечеловеческой величины и корявости мужское естество молодого бойца.

Мы сгрудились вокруг. Действительно, от такого зрелища всех взяла легкая оторопь.

– Как же тебя призывали-то, Батя? – спросил кто-то из толпы, – ходить-то не мешает?

– Доктор на призывном сказал, что я в корень пошел, – объяснил Батюков. – Да и в лес-промхозе мы больше на лыжах, широким шагом. Ходю себе, ничего... – и Батя добродушно улыбнулся, явив отсутствие двух верхних зубов.

– Ладно, хлопцы, – сказал Грибной Прапорщик, – хорош паялиться на пацана. Каким его мамка уродила, таким он для Красной Армии и сгодится, на страх супостату. Весь целиком. Айда мыться.

У входа в мыльный зал нас уже караулил старослужащий фельдшер Аркаша. Как и встреченные нами по дороге солдаты, он был в синей квадратной шапке и ушитых до лосиной узости бриджах. Аркаша производил первичный медосмотр, а именно – спрашивал всех громогласно и весело о наличии мандавошек, причем ответов не слушал вовсе.

Парная оказалась заперта на ключ. Аркаша пояснил, что парная полагается только товарищам офицерам и туда не пускают даже дембелей. Горячая вода не каждый раз. Это сегодня дали по-ленински кипяточек, исключительно в честь молодого пополнения гусей...

Фельдшер, похотывая, расхаживал между нами полностью одетый и даже в валенках на резиновом ходу. От него изрядно пахло козлом.

Один из наших сотоварищей, получивший еще на призывном пункте, за добрый нрав и врожденную интеллигентность, прозвище Чучундра, обратился к Аркаше с вопросом. Не снявший тяжелых очков даже в бане, Чучундра поинтересовался вежливо, не желает ли товарищ военфельдшер помыться. Ну, раз уж представилась такая возможность – горячей водой.

– Еще чего! – захохотал Аркаша. – Я – дембель! А дембель должен быть толстым, грязным, веселым и ленивым!

(Необходимо заметить, что фельдшер вполне соответствовал собственному определению).

Услышав это, стриженный наголо, с бешеными синими глазами призывник, или точнее сказать, с сегодняшнего дня – гусь, повернулся ко мне.

– Верю! – сказал он пафосно, – верю, братушки, что с сегодняшнего дня нас всех ожидает новая, необычайно интересная жизнь, о которой мы не могли и мечтать!

Тут один из его дружков с татуировкой AC/DC на плече и шрамом через бровь, вылил златоусту на голову таз воды и прервал высокую речь.

Отфыркавшись, говорун представился:

– Панфил. Это погоняло! (затем он назвал свое имя) Я из Дудинска. Будем знакомы?

– Бабай. Из Туймадска. (я тоже назвал имя) Знакомы будем. Мы пожали друг другу мокрые руки.

2

...Через полчаса нас, переодетых в новенькую, пахнущую креозотом форму, отвели в учебную роту два сержанта, Налимов и Рязанов. Именно там, в учебке, в течение полугода нам предстояло осваивать некие секретные военные умения, о которых нам пока не говорили.

...Место это называлось «бытовая комната». Бытовка. Стены ее были украшены пугающими черно-зелеными плакатами. Изображенные на них, похожие на покойников, солдаты с восковыми лицами, в пять приёмов наматывали белоснежные портянки. Другие плакаты поясняли, как пришивать к форме погоны, петлицы и прочие шевроны. Всё было размечено по миллиметрам. Неточности не приветствовались.

Отдельно поражал изображение плакат, иллюстрирующий процесс подшивания подворотничка. Великая премудрость заключалась в том, что шов являлся секретным, а нитки не должны были быть заметны снаружи.

В бытовке сержант Рязанов бросил на стол сверток белого ситца и заорал:

– Вот подшивка!!! Там иголки!!! Здесь нитки!!! Подшивайтесь!!!

– А как это, простите, подшиваться? – спросил интеллигентный Чучундра.

– Так мы вам покажем!!! А тебе, гусяра, особенно!!! – заорали хором Рязанов и Налимов.

И они нам действительно показали...

Сержанты выдали нам огромные иголки и выкатили на столы три великанских катушки, черную, белую и зеленую. С сегодняшнего дня три этих цвета заменили нам все цвета радуги. Мы превращались в черно-бело-зеленых дальтоники на два ближайших года. Процесс пришивания и подшивания начался. Дело шло верно, но очень уж медленно. Кровь из исколотых пальцев пачкала нитки. Пришив одну из деталей, следовало предъявить её для осмотра сержанту. Тот, взяв деревянную замусоленную линейку с чернильной надписью «ДМБ-83», производил тщательное измерение и, найдя неточность, отрывал к черту, пришитое.

При этом сержант восхищался:

– Прекрасно сделано! Но можно намного лучше!

Около часа ночи солдат, запомнившийся мне в бане татухой AC/ DC, осторожно поинтересовался у товарища сержанта, когда же мы пойдем спать.

– Боец! – радостно закричал сержант Рязанов, – солдаты никогда не спят! Солдаты иногда только отдыхают.

– Ну, когда тогда отдыхать? – не унимался татуированный. – А то меня ещё с проводин плющит, как черепаху.

– Так скоро уже отдыхать, – обнадежил нас сержант Налимов, – вот все пришьете и отбой.

Закончили мы в три часа ночи. Еще какое-то время сержанты учили нас наматывать портянки красиво.

– Намотано правильно. Но не красиво, – говорил Налимов, – необходимо перемотать. Вы же, гусяры, в Красной Армии. А красная – значит красивая. В армии красивым должно быть все. И душа, и мысли, и лицо... и портянки. Короче – перемотать!

Наконец, настал долгожданный час отбоя.

– Настоящий усталый солдат укладывается за сорок пять секунд, – объяснил нам сержант Рязанов. – Если боец не успевает отбиться за сорок пять, значит, он недостаточно устал. А если ещё не устал – продолжаем тренироваться.

– Рота! Сорок пять секунд, отбой! – закричал Рязанов. Через короткое время стало совершенно ясно, что мы еще не вполне устали, поскольку уложиться в отведенное время не удавалось никак.

Рязанов зажег спичку, сказав нам, что горит она сорок пять секунд. Ясно дело, что никто ему не поверил. Но временем, впрочем, как и пространством в учебной роте заведовали сержанты.

– Быстрее, пальцы жжет, – кричал Рязанов, удерживая пылающую спичку за самый кончик.

Но мы все равно не успевали.

– Он их, сука, бензином пропитал, – шепнул мне Панфил, – горят довольно быстро...

Раз за разом мы строились в коридоре и неслись в кубрики, сшибаясь между собой, подковывая голени товарищей неразношенными кирзачами. Отбиться вовремя не удавалось никак. Каждый раз кто-то не успевал и сержант Рязанов, спаливший уже весь коробок, мяукал противным хриплым тенорком:

– Не успеваем!

А сержант Налимов подвывал на октаву ниже:

– Отставить! Рота, строиться в коридоре!

Было очень обидно, что последним, неуспевающим виновником очередного колеса этой чертовой мельницы, всякий раз оказывался кто-то другой. Поэтому невозможно было даже изматерить конкретного бедолагу.

Старинный философский постулат о том, что все виноваты во всем, обретал неожиданное реальное воплощение в непобедимой Советской Армии.

Именно этой мыслью я поделился с Панфилом, на бегу к заветным койкам, после того, как наши бритые головы столкнулись, произведя кегельный звук. Панфил отреагировал сразу. Потирая ушибленную башку, заглянул мне в глаза и спросил подозрительно:

– Стихи пишешь?

– Пописываю, – смущенно пробормотал я, набирая скорость для очередного прыжка в койку.

– И я пишу! Я поэт! – крикнул Панфил, обрушиваясь на скрипящие пружины.

На это раз каким-то чудом мы все вписались в заветные сорок пять секунд. Сержанты пожелали нам покойной ночи. Прозвучало это так:

– Спать, гуси! И чтоб ни звука!

Но нам было уже все равно.

...Через пару минут я понял, что спать мне не хочется совершенно. Большинство моих товарищей на ближайшее двухлетие храпело мерно и ровно. Но некоторые, как и я, видимо от обилия впечатлений, еще не закемарили.

– Эй! Кто покурить? – раздался свистящий шепот с соседнего второго яруса.

Я поднял голову. Чувак с наколкой AC/DC призывно помахал пачкой «Стюардессы».

– Пошли, покурим, – принял я приглашение.

Стараясь не скрипеть, я сполз с кровати и босиком прокрался в туалет вслед за AC/DC. Вскоре там оказались и Панфил с Чучундрой.

– Я не курю, – поеживаясь и переминаясь с ноги на ногу, пробормотал Чучундра, – но мне почему-то совершенно не спится, друзья мои...

AC/DC, которого Панфил называл Джаггером, чиркнул спичкой и дал всем огня. Мы затаились, а Чучундра просто вздохнул.

– И такая хренотень – целый день. Будем бегать, как тюлень и олень, – сплюнул Джаггер, умащиваясь на деревянном подоконнике.

– Два года так, чуваки, прикиньте! Треть мой лысый череп! Два! Года!

– Да уж, Джаггер! Это тебе не в вокзальном кабаке шизгару лабать, тут материя иная, – произнес Панфил, – ну, да не сдохнуть же нам здесь. Я лучше вам стихи почитаю.

– Давай, – обрадовался Джаггер. – Я тоже почитаю: «Я поэт, зовусь я Цветик, от меня вам балалайка!»

– Ну, подождите, – влез некурящий Чучундра, – дайте ему прочесть, пожалуйста. Наш новый мир так груб...

Панфил вышел на середину сортира. Одну руку он отвел в сторону, другую упер в бок. Выданные в бане рубаха и кальсоны были явно поэту велики, завязки волочились по полу.

– Стихи! – объявил Панфил. И начал читать, завывая немного но, в общем, вполне художественно...

...Луч солнца облака порезал до крови...
Банально начал я, но все же – это чудо!
И вспомнил вдруг о тех, кто ждет еще вдали,
И тут подумал я, что ждать они не будут...

Наверно мы слабы и даже злы порой,
Но кто осудит нас? Кто лучше? Лучше – нету!
А каждый негодяй – естественно – герой,
И каждый за себя, и всех несет планета.

Как крысы с корабля, который обречен,
Хотим бежать, но нет! Задрены все люки.
И каждый от себя навеки отлучён
И хочет разделить с другими свои муки.

А тем, другим, давно, совсем не до него —
У каждого свое. Едино только время.
Я жду и не дождусь, мгновенья одного —
Чтоб кто-то твердо встал ногой в стальное стремя.

Пришпорить и погнать, таясь под маской зла,
Чтоб встрепенулся мир, разгромлен и терзаем...
Быть может, хоть тогда очнемся ото сна,
Быть может, лишь тогда мы что-нибудь узнаем...

Не стоит тратить сил, усилия смешны...
Зачем же вновь и вновь тоску в себе разводим?
Когда нам говорят – вы больше не нужны!
Мы отвечаем им – спасибо! И уходим.

После стихов мы перекурили еще раз. До подъема оставалось полчаса. Понимая, что уже нипочем не сумею уснуть, я улегся на прохладную, воняющую хлоркой простыню.

И как-то сразу ощутил в руке колючую пеньковую веревку, другой конец которой был переброшен через дубовую почерневшую балку и завязан скользящей петлей.

В петлю была просунута голова сержанта Рязанова. Он жалко молил о пощаде. Я потянул веревку. С необычайной легкостью сапоги Рязанова отделились от земли, и он затрепетал в петле.

– Один готов, – сказал я сам себе, – а где второй?

Сержант Налимов уже бежал к виселице широкими прыжками. Он весело просунул голову в петлю, откашлялся и закричал каким-то сатанинским голосом:

– Рrrrrрота! Пппподъем!!!

Я дернул веревку, надеясь удавить и этого гада, но он продолжал кричать...

Грохоча, посыпались с двухъярусных коек тела в кальсонах. Я понял, что это не сон, уже просовывая ноги в сапоги. Начинался новый день, и лик этого дня был сер и неулыбчив.

3

... Учебная рота являла собой одноэтажное деревянное здание. Судя по всему, лиственный брус хорошо просох на тундровых ветрах и морозах.

– Сгорит, если что, минут за двенадцать, – гордо сказал вместо приветствия командир учебной роты майор Мухайлов, вкусно дыша на нас водкой с салом.

Он произнес это так уверенно, словно не раз уже сжигал подобные строения и отмечал при этом время.

– Так что, бойцы, в случае чего – ничего не спасать и не пытаться!!! Хер с ними, с сейфами, с документами и с оружием. Спасаться самим, прыгать к грёбаной матери в окна. Окна выбивать тумбочками. Табуреты для этого не предназначены – легковаты. А не то постгораете к ебням, а потом снится мне будете на старости лет. А мне это на хер не упало! Вольно! Разойдись.

Майор Мухайлов был настолько убедителен в своей речи, что у нас не осталось ни малейшего сомнения в его намерениях. В одну из ближайших ночей, он лично, с керосином и спичками, подпалит ненавистную учебную роту.

... Между интеллигентным Чучундрой и ресторанным рок-н-рольщиком Джаггером завязался спор на тему: можно ли с первого раза высадить тройную раму солдатской тумбочкой.

Чучундра сомневался, уверенно аргументируя такими терминами, как квадрат массы тела и ускорения. Объяснял, что потенциальная энергия неизбежно переходит в кинетическую с выделением энергии тепловой.

Джаггер, энергично жестикулируя, оппонировал. Показывал руками, как именно он ухватит эту злосребучую тумбочку и захреначит её в окно, да так, что все долбанные-пердолбанные рамы повывлетают к хвостам собачьим. А если вдруг нет – то он их ногами размуздает и спасет и себя, и Чучундру, и остальных. И чтоб тот даже не сомневался...

Мы с Панфилом слушали, разинув рты.

– Бабай, да тут серьезные пацаны собрались, – толкнул меня в бок Панфил.

Я тоже толкнул его – слушай, мол, дальше; чуваки дело говорят... Чучундра принялся объяснять принципы деления алябильных частиц в мезонном поле. Джаггер начал примериваться к тумбочке, чтобы практически подтвердить свою невнятную теорию «захреначить с оттягом, да и все дела».

На шум начали потягиваться любопытные бойцы. Точку в споре поставил Батя.

– У нас в леспромхозе, – сказал он – сгорела лесопилка. Сгорела она под седьмого ноября, а узнали только под Новый год. Потому что бухали все. И сторожа там же нашли. В золе-то. А все думали, где он? Чего со всеми за революцию не пьёт? Может, троцкист? Но тут уже как раз Новый год, и снова все шары позаливали... Ну, не то чтобы забыли про лесопилку, а просто дизельная тоже сгорела вместе с дизелем. Уже не до лесопилки было... А вы говорите – тумбочка. Тумбочка не поможет, бухать меньше надо! – и Батя строго посмотрел в ту сторону, куда удалился поддатый майор Мухайлов.

Сержанты завопили кошачьими голосами:

– Рота, построиться! Стать смирно!

Это прибыл познакомиться с нами замком роты лейтенант Минусин.

Лейтенант вполне соответствовал собственной унылой фамилии. Всем своим видом он до удивления напоминал минус. Лицо его выражало глубокое недовольство окружающим миром.

Заполярное захолустье расстраивало его чрезвычайно. Неинтеллигентность офицеров и грубость солдат огорчали Минуса до глубины души.

Недостаток свободных женщин и однообразное, запорообразующее питание в офицерской столовой, печалило лейтенанта Минусина не на шутку.

Ко всему вдобавок он был вынужден служить в учебной роте, а значит, ему приходилось присутствовать на службе ежедневно.

– Вольно, – вяло скомандовал Минус. Он печально вздохнул и, набравшись сил, продолжил: – Бойцы... у-у-уффф... Вы будете нести службу, у-у-уффф, в условиях крайнего севера и вообще заполярья. Чему же вам, кони вы этикие, предстоит научиться? Чем, так сказать, вы можете быть полезными, у-у-уффф, родине?

Тут Минус снова вздохнул так тяжело, что стало понятно – ничем мы, кони этикие, не сможем быть полезными родине.

– Наша часть, – продолжил Минус унылым голосом, – относится к Главному разведуправлению. Ему же и подчиняется. Вам предстоит, после окончания учебной программы, заниматься, у-у-уффф, радиоразведкой.

Минус сделал паузу, видимо, что бы дать нам возможность прокричать «Ура», но тон его был столь трагичен, что рота молча переваривала сказанное.

– Занятия начнутся после завершения курса молодого бойца и принятия присяги. Всему необходимому вас научат ваши сержанты. Вольно, у-у-уффф... разойдись, – Минус закончил свою речь из последних сил и побрел восвояси.

На передний план выступили сержанты.

– Слыхали, гусяры, что Минус сказал? Научить! Сегодня забываем гражданскую дурь и заступаем в наряды. А завтра мы вас научим. Перекур пять минут!

И они нас действительно научили...

...Во время перекура Панфил принял знакомую позу и, затягиваясь папиросой, вместо запятых прочел:

...Пыль из-под наших ног уже легла,
И черта с два ее поднимет ветер.
Вчерашний день – сплошная пустота,
И каждый за себя еще ответит...

Колода карт просыпалась на стол,
Пасьянс не вышел, фокус не удался,
А самый сильный все же не дошел,
А самый наглый все-таки прорвался...

Судьба сошла с ума, и все горит.
Пустыня, хаос – души бродят где-то,
И памятником мерзости стоит
Ильич, в костюме вельветовый одетый...

Я слышу звон поломанных часов.
Последний шаг я сделал для кого-то,
И с воем стая бешеная псов,
Сметая все, рванулась на охоту...

Беги! Еще погоня далека!
Все впереди! Темно, луна не светит!
Пыль из-под наших ног уже легла,
И черта с два ее поднимет ветер...

4

...Нам объяснили, что такое дневальный. Он жужжит, как муха, и все делает неистово. Если дневальный не врубается – ему конец. Если дневальный толково шарит – он доживает до конца наряда весело и беззаботно.

Дневальный отвечает за порядок в роте перед дежурным по этой же роте. Тот в свою очередь держит ответ перед командиром. Над комроты стоит командир части. Того, если что, дрючит сам начальник ГРУ. А его при необходимости имеет лично Генеральный секретарь ЦК КПСС. Конечно, вся эта оргия состоится только если я, будучи дневальным, упущу засохший бычок, или забуду про пыль на выключателе.

...Я находился в самом низу этой пищевой цепочки, а компанию мне в тот незабываемый день любезно составил Чучундра.

Собственно, ни его, ни меня никто ни о чем и не спрашивал. Просто сержант Рязанов сказал:

– Бабай! Чучундра! Сегодня, тля, идёте дневальными по роте. Дежурным по роте иду я лично.

И добавил, видимо, чтобы нас ободрить:

– Вешайтесь!

Три кубрика, где спит, когда не работает, личный состав. Две учебных комнаты-класса, бытовка, ленинская комната с телевизором и плакатами, призывающими служить еще лучше.

Туалет о шести унитазах, украшенный кафельным полом. Оружейная комната.

Все это пронизано длинным дощатым коридором. Коридор упирается в пожарный угол. Красный, как знамя боевое, деревянный щит с баграми, топорами и лопатами.

Все новое-нулевое, в свежей краске, блестит как в магазине пожарных принадлежностей.

Явно ничего тут давненько не горело, но вот, есть же пункт по этому поводу у нашего командира роты... как бы и правда не спалил. Имеется еще ящик с песком и на низеньком помосте – три двухсотлитровых бочки с запасом воды. Туши – не хочу.

Мы с Чучундрой должны намывать и полировать все это хозяйство в течение ближайших суток. Потом нас поменяет очередная пара нечистых.

При этом почти все время один из дневальных обязан стоять на тумбочке. Тумбочка – это особенное военное изобретение, этакая помесь высокого столика и небольшой кафедры.

В тумбочке хранится список личного состава, написанный карандашом на куске пластика. На нем отмечено: кто, где, по какой надобности и куда отправлен.

Если в роту заходит офицер, дневальный дурным голосом обязан прокричать заклинание: «Рота, смирно! Дежурный по роте, на выход!»

Если заклинание выкрикнуто как полагается, то вошедший офицер может сохранить доброе расположение духа и отдать команду: «Вольно, не ори!»

В случае же немолодцеватого, ленивого выкрика офицер немедленно заставит кричать еще раз, а после непременно вздрючит дежурного по роте. А тот немедленно убавит здоровья дневальному с помощью простых физических упражнений.

Хуже всего, если недовольный офицер окажется сукой, что не редкость, и прикажет доложить командиру роты. Тогда можно тут же, не сходя с места, получить еще два наряда. А это значит, что вместе с нарядом текущим, нерадивый раздолбай не будет спать трое суток подряд.

Конечно, согласно уставу дневальному полагается отдых, но этот пункт в уставе вызывает у военных только здоровый смех.

– Спать будете на гражданке, гусяры! А в армии спать некогда! Ну, зашуршали, арлекины! – так напутствовал нас сержант Рязанов.

И мы зашуршали.

Личный состав роты был построен и выведен сержантом Налимовым.

– Идем на ознакомительную прогулку на свежем воздухе, – пояснил он.

– Ну вот, все на прогулку, а мы дневальными, – огорчился Чучундра.

– Зато в тепле, – утешил я его.

Нужно отдать должное нашему сержанту, часть работы он сразу взял на себя. Мы побежали вытирать пыль, а сержант занял место на тумбочке, усевшись на табурет, что собственноручно, строго уставом воспрещалось.

Рязанов не рискнул доверить нам тумбочку, видимо не желая огребать люлей от офицеров за неверно поданные команды. Мы были еще слишком неопытные гуси, и полагаться на нас он не желал.

Чтобы обезопасить себя от внезапного прихода товарищей офицеров, Рязанов привязал к батарее у входа малохоленную овчарку-кобеля по кличке Курсант.

Псина была совершенно дурной, но каким-то невероятным образом различала шаги рядовых и офицеров. Когда кто-либо из начальства приближался к входу снаружи, Курсант дважды гавкал, а Рязанов вскакивая с табурета, прятал в тумбочку латунную круто изогнутую пряжку. Бляху эту он полировал на дембельский ремень.

На рядовых Курсант не реагировал вообще.

...Уборка в армии производится очень просто. Сверху вниз. Сперва пыль, потом полы. Все это моется дважды в сутки, как только завершается первый цикл, тут же начинается следующий.

Этот процесс буквально захватывает и здорово расширяет сознание. К концу наряда гуся обыкновенно настигает буддистское равнодушие к мирской сущности.

Больше всего мы с Чучундрой опасались помывки туалета, но это оказалось пустяком. Туалетом в роте никто не пользовался, именно поэтому унитаза и кафель сверкали белизной и первозданной свежестью. В туалете можно было только курить.

Настоящий же сортир находился метрах в двадцати снаружи. Это было некое подобие деревянного неотапливаемого сарая с живописными дырками в полу. Под дырами были установлены железные бочки для сбора, так сказать, урожая. Клозет был соединен с ротой деревянным же коридором, который сержанты называли галереей.



Особая дверь из теплого белого гражданского туалета вела в холодную галерею и далее в сортир-сарай с дырками, бочками и температурой, равной забортной. Мыть там было невозможно, да и не требовалось. При минус сорока все и так замерзло на ходу.

Рязанов сообщил нам, что галерея и внешний сортир-холодильник вне сферы нашей уборки. Чучундре же, неосторожно поинтересовавшемуся, кто же те несчастные, приводящие в порядок галерею, сержант туманно ответил:

– Не суйся, тля, гусяра, а то ты там порядок наведешь.

Также не нужно было мыть оружейку, ибо она была заперта, опечатана и подключена к сигнализации, чтобы солдаты не перестреляли друг друга и командиров.

Собственно, нам оставалась сущая ерунда. Мы протерли пыль и взялись за швабры. Рязанов терпеливо ждал, когда мы закончим. Мы были чрезвычайно довольны, завершив уборку. Не так уж все оказалось и страшно. Сделали все, и есть еще время отдохнуть. Мы по очереди сбегали на обед и вернулись, предвкушая отдых и похвалу.

Сержант Рязанов вынул из кармана беловатый платок и пошел по кубрикам, проверяя следы пыли на тех местах, куда он мог дотянуться. Очень быстро платок посерел, поскольку верхние части дверных плинтусов и заглушки электровыходов мы опрометчиво упустили.

– Вы что же, гуси? – удивился сержант, – расстроить меня хотите? Хотите, чтоб я огорчился? Чтоб мне люлей за вас навтыкали? Разве вы этого хотите?

– Никак нет, товарищ сержант, – хором ответили мы, а Чучундра добавил с чувством:

– Извините нас, пожалуйста! В следующий раз мы все уберем как нужно.

– Конечно, уберете, – разулыбался сержант, – вот прямо сейчас и начинайте! Ну, тля, бегом, монстры! Сгною в нарядах!

Мы сделали всю уборку сначала. На этот раз сержант обратил внимание, что пол мы мыли швабрами.

– Как же это я сразу не заметил, – сокрушался он, – швабрами ведь у нас никто не моет. Даже не знаю, как они еще сохранились. Швабра – это же вчерашний век. Каннибализм!

– А чем же мыть? – спросил я, предполагая, что нам выдадут специальные боевые поломойные установки цвета хаки и на электричестве.

– Чем мыть? – переспросил Рязанов, – да вот же чем! Вот же они у вас мудаков, по обеим сторонам висят, руки называются. Руками мыть. Вперед! Бегом, арлекины, время идет, а ничего не убрано!

...Вернулась наша рота с прогулки на свежем воздухе. Никто не выглядел хорошо отдохнувшим. Панфил с Джаггером рассказали заплетающимися языками, что до обеда рота перебрасывала снег с левой стороны дороги на правую, а после обеда возвращала перекинутый снег обратно.

От бойцов валил паровозный пар, шапки и воротники обросли инеем, как морды зимних лошадей.

Солдаты принялись было раздеваться, но опытный сержант Налимов построил их, приказав рассчитаться по порядку номеров. Одного не хватало...

– Млядь! Так я жопой и чуял, – гордо сказал Налимов, – прямо чуйка у меня была, что потеряли кого-то.

– Батю потеряли, – заорал Джаггер, – молодец Батя, догадался свалить с этой лавочки! Я следующий!

– Куда ему, дураку, бежать? В тундру песцов кормить немытым телом? – рассудил Налимов, давая Джаггеру легкую плюху за длинный язык.

– Не, он гаденыш, где-то в тепле пришипился. Найду – нарядами задрючу падлу.

– Может, его прапорщицы с узла дешифровки похитили? – завистливо предположил сержант Рязанов. – С его-то хозяйством могли не устоять. Вся часть уже про его мудя базарит, всем растрепал Опенок-то.

– Чтоб только тебя не похитили, – оборвал небрежно коллегу Налимов, – кому он сдался, недомерок.

И заорал:

– Рота, на выход, ищем Батю! Пока не найдем, отбоя не будет!

По счастью, Батю нашли через пять минут. Он попросту задремал в сугробе, и его случайно присыпали снегом.

По пути в роту Джаггер успел пару раз сунуть Бате под ребра, чтоб проснулся. Дознание, устроенное сержантом, злого умысла и тем паче попытки дезертировать не обнаружило.

– Сомлел я, братцы, – бормотал Батя, раздирая рот корявым зевком, – сомлел совершенно, ну и прикорнул на снежку-то, мягко. Как на перине.

От услышанного сержант Налимов даже растерялся.

– И что, не холодно было, гусяря? – спросил он.

– Так я привыкший, – ответил Батя степенно, – у нас в леспромхозе, как дизельная сгорела, неделю так и спали. Как ведмедя.

Налимов обозвал Батю заполярным клоуном и повел роту в ленкомнату писать письма родителям.

– Чтоб не потеряли вас, долботрясы. А то Дядя Ваня шкуру с меня спустит.

– Кто такой Дядя Ваня? – спросил меня Чучундра.

– Не знаю. Не все ли равно. Зато мы в тепле, – ответил я, и мы принялись перемывать пол руками.

Так действительно получалось намного чище, поскольку объект мытья был прямо под носом. Правда, немного болела спина.

– Ничего, Бабай, – утешил меня Чучундра, – теперь уже ему, черту, придраться не к чему.

Черт сержант Рязанов и не думал ни к чему придраться.

– Вот теперь уже лучше! Другое дело, ведь можем когда хотим, – сказал он сдобным голосом, – скоро закончим, а то устал я с вами. Ну вот. А теперь я вас научу мыть пол по-настоящему.

И он нас действительно научил...

Сержант Рязанов, не спеша прошел в пожарный уголок, оперся спиной о стену и ногами одну за другой опрокинул все три пожарных бочки.

Шестьсот литров мутной воды понеслось по коридору.

– Совместный советско-японский метод, – пояснил нам Рязанов, – полярное цунами. Что стоите? Взяли тряпки и вперед на борьбу со стихией.

До утра мы с Чучундрой ликвидировали природную японскую катастрофу.

Выяснилось, что Чучундра, человек с высшим, хотя и не вполне окончанным образованием, попавший в армию лишь благодаря нелепой случайности и группе «Пинк Флойд», умеет очень точно излагать свои сокровенные мысли.

Собирая тряпкой пожарную воду и елозя по крашеным доскам мокрыми коленями, Чучундра шепотом, в рифму и с деепричастными оборотами, сообщил, кем на самом деле является сержант Рязанов, его мама, папа и прочие родственники до седьмого колена.

Досталось и японскому императору за милитаризм и отсутствие надежных методов борьбы с цунами.

Кроме того, Чучундра озвучил несколько возможных версий будущего пресловутого сержанта, и все эти версии были позорными и безрадостными.

Мы закончили уборку и наполнили вручную, ведрами злосчастные пожарные бочки. Видимо для следующих дневальных.

После наряда нам удалось подремать полчаса.

Мне снилось, как я четвертую сержанта Рязанова и топлю жалобно кричащие четвертушки в пожарной бочке.

Сержант Налимов в эту ночь, наверно, снился персонально Панфилу и Джаггеру.

Сны наши освещало, мерцающее адскими сполохами, полярное сияние.

...На первом же перекуре в туалете Панфил заявил:

– Мне все понятно. Это конец. Но этот конец нужно просто перетерпеть всего один год, а дальше мы уже станем помазками – и всё. Аля-улю! Положим на всё с прибором! А сейчас, братушки, я почитаю вам стихи...

...Я раб
Своей
Рассохшейся галеры.
В плену людей,
Любви,
Долгов и веры.
Земли
Не видел я
Давным-давно.
Не плыть нельзя.
Куда?
Мне всё равно.

Уже
Века
В крови мои ладони.
Как помощь не зови —
Я не был понят.
Они – почти
Такие же, как я —
Ушли.
В душе не пожалев меня.

В душе?
Ах, право,
Жалость унижает.
Меня уже ничто не утешает.
Я буду тронут —
Бросьте для прикола
Бутылку рому
Полную по горло
С высоких палуб
Ваших кораблей.

Я был обманут —
Уплыву скорей...

Плыви,
Руби волну,
Моя галера.

Пойду ко дну —
Верна ли будет мера
Для бед моих,
Усталости и лжи?

А напоследок,
Мой читатель грешный,
Обремененный юностью неспешной,
Прошу тебя, посмейся от души...

5

...Постепенно военный туман начал рассеиваться в нашем сознании. Становилось понятно, что и как устроено в нашей части.

Мы, молодые солдаты, начинали службу гусями. Через некоторое время нам предстояло разделиться на гусей шарящих, то есть сметливых, и нешарящих – то есть совершенно бестолковых и никчемных.

Всю черную работу в части естественно выполняли гуси, но гуси шарящие при этом избегали, как правило, коротких, но внушительных репрессий. Судьбе же нешарящих гусей можно было лишь посочувствовать. Но им не сочувствовал никто.

Коллектив сколачивался железными костылями круговой поруки. Из-за одного залётчика вся рота могла отжиматься до утра и, завершив спортивные упражнения, товарищи быстро и дружески внушали коллеге уважение к коллективу на первом же перекуре.

В перекурах участвовала вся рота. Тридцать человек набивалось в курилку, роль которой исполнял теплый, неиспользуемый туалет.

Это был наш остров свободы, там можно было расслабиться и по-настоящему вздохнуть полной грудью, поскольку при выходе из курилки полагалось застегнуть крючок под горлом и затянуть ремень «по голове».

Как-то раз в самом начале наших мытарств сержант Налимов скомандовал:

– Рота, перекур десять минут!

И очень удивился, увидев Чучундру, не нырнувшего в туалет, а спокойно подпиравшего стенку.

– Я же не курю, товарищ сержант, – гордо сообщил Чучундра, рассчитывая возможно даже на какое-то поощрение.

Награда не заставила себя долго ждать.

– Не куришь? Молодец! – восхитился Налимов, – значит спортсмен. Так чего стоишь? Давай на турник.

Пока рота курила, наслаждаясь коротким забвением, Чучундра корячился на турнике, пытаясь подтянуться хотя бы раз.

Уже через неделю он первым кидался в туалет по команде «перекур», залихватски продувал папиросу, сминая гармошкой гильзу «беломорины» и курил, перекидывая ее во рту, как заправский урка.

Еще через пару недель Чучундра мог грамотно провести дискуссию о неоспоримых достоинствах «Беломора» фабрики имени Урицкого против папирос фабрики имени Клары Цеткин.

Чучундра пускал папиросный дым толстыми облаками, а Панфил читал нам очередной опус...

...Не накатив – не напишу ни строчки...

Я опустил или выше стал?...

Строф недопетых медленные точки

Заклёпками вошли в страниц металл.

Мне Муза подает портвейн в стакане.

Спасибо, крошка, выпей! – Не хочу.

Я осознал – я капля в океане

И новому людей не научу.

Все клонится к закату – жизнь, удача.
Судьба, как полуспившаяся дрянь.
А раньше было все совсем иначе...
Осталось ли в бутылке, Муза, глянь!

Давай уж до конца, сейчас забудусь.
Ты sny мне навевай и песни пой.
Я написал очередную глупость.
Ты слышишь, Муза? Где ты? Чёрт с тобой...

...Узнать гуся было просто. Военная форма его, даже если подходила по размеру, все равно сидела как-то нелепо. Шапка была бесформенна и не надета, а нахлобучена. Из-под шапки торчали уши. У гусей они почему-то всегда торчали.

Гусь всегда очень чисто выбрит, иногда даже дважды в день и до царапин на морде, ибо горе ему, если на утренней или вечерней поверке обнаруживалась щетинка.

Выражение лица гуся однообразно, типа: «А чё я не так сделал-то?».

Крючок на воротнике кителя вечно застегнут. Ремень затянут «по голове».

Делалось это так. Длина ремня выбиралась по окружности затылок – подбородок. На ремне создавалась отметка и, опа! – солдат оказывался затянут рюмочкой.

Бляха сияла, как котовы яйца. Бог его знает, как они там сияют на самом деле, но именно это выражение употребляли офицеры, а за ними и сержанты, желающие описать что-то нестерпимо яркое.

Далее шли бриджи, обычно слишком просторные в верхней своей части и слишком узкие и короткие внизу.

Завершали образ до одури начищенные вонючей ваксой кирзовые сапоги, которые не искалечили бы ноги только Мересьеву.



Так вот. Через год любой гусь неизбежно становился помазком или, что совершенно то же самое – черпаком. Инициация производилась двенадцатью ударами ремня (а именно латунной пряжкой) по заднице.

После чего обильно распивалась водка, заранее принесенная новообращенными из самохода. Принимались поздравления от дедов и дембелей и приобретались все права полноценного Воина Арктики.

Черпак (он же помазок) принимал бразды правления. Отныне он руководил свежепризванными гусями, он вдохновлял их на труд и на подвиг, он кричал им: «Вешайтесь!» точно так же, как кричали ему самому ещё год назад.

Разумеется, страшнее остальных зверствовали именно те, кто, будучи гусями, больше всех зарекались и возмущались: «Вот дотяну я до черпака, никого пальцем не трону! У меня-то гуси будут жить как люди».

Свежевылупившийся черпак-помазок в первые два-три дня обязан был перекроить свою внешность полностью. Все, до последней нитки, должно было отличать его от презренного гуся.

Как гусеница окутывает себя коконом, чтобы раствориться в себе самой, и завершив метаморфозу, вернуться прекрасной бабочкой, так и черпак, лепит себя заново.

Замполит учил нас, что материя первична, и что бытие определяет сознание. Поэтому, не изменив форму, невозможно стать полноценным, нахальным, ничего не боящимся черпаком.

Солдатская арктическая шапка ушанка имеет длинные уши. Черпак безжалостно укорачивает их, как уши породистого щенка.

Далее уши сшиваются и теперь невозможно опустить их даже в самый лютый мороз.

Но страшен ли мороз черпаку? Пробыв год гусем, он уже ничего в этом мире не боится...

Итак, обрезанная шапка надевается на специальную, тщательно сберегаемую от старшины, квадратную болванку. Берется сапожная щетка, и шапка щедро намазывается гуталином.

Подождите, люди! Никто не сошел с ума – это технология, проверенная годами.

Шапка накрывается влажной марлей и яростно проглаживается раскаленным утюгом. Валит гуталиновый пар, несусветная вонь поражает ноздри, но кого можно напугать вонью в Советской Армии? Правильно, никого!

После процедуры марля сдергивается, как полотно при открытии памятника Ленину. И вот! Шапка теперь уже не похабно-сизого, с ментовским оттенком, цвета, а ярко синяя с благородной искрой, и совершенно квадратная. Не беда, что ее не очень удобно носить. Хотя шапуля и села на пару размеров, её можно надеть на затылок, как ермолку, или сдвинуть на умудренный солдатский лоб, как фурагу.

С кителем и бриджами черпак обходится просто и сурово. Все ушивается строго по фигуре и более напоминает не военную, но гимнастическую форму. Воротник переzagлаживается и поднимается стоечкой.

Крючок не застегивается никогда. В подшиваемый подворотничок закладывается отныне кусок толстого провода для придания объема и, кажется, что у правильного черпака на воротнике лежит жирная белая макаронина.

На кителе и бывших бриджах, скорее уже ставших лосинами, наглаживаются стрелки во всевозможных направлениях. Ходить без стрелок – не комильфо. Без стрелок ходят только гуси или чуханы.

Теперь сапоги. Вот где простор для творчества. Но сперва необходимо сточить или срезать выступающую часть подошвы.

Она выступать не должна. Ведь это сапоги черпака, а не какие-то лыжные ботинки.

Далее, любители каблуков и прочие коротышки набивают каблуки. О подковах, их форме, размере и весе нужно писать отдельный трактат. Некоторые любители добавляют толщину подошве. И тут вновь приходит очередь утюга.

Манипулируя утюгом и ваксой, умелый черпак достигает сразу двух целей. Сапог пропитывается и обретает непромокаемость, а также новую форму.

Немало часов было потрачено черпаками и помазками на обсуждение формы носков кирзовых сапог. В итоге две влиятельные, но разошедшиеся во взглядах партии постановили, что не запахло и так, и этак.

Отныне часть черпаков щеголяет в остроносых сапогах «а-ля казаки», а другая – попирает землю квадратноносыми, немецкого образца, прохорями.

Ко всему еще, обработанный раскаленной ваксой сапог не нуждается более в чистке. Да-да, именно так, он чистится снегом. Щетка умакивается в снежок, и через пару движений сапог сияет словно... (ну, про котовы яйца вы уже слышали).

Обычно в Заполярье довольно холодно, и солдату полагается еще и зимняя одежда. Это шинель (у нас ее носили все лето) и пошив. Если с шинелью все более или менее понятно, то объяснить, что такое пошив, просто необходимо.

А это такая теплая куртка, длиною до середины тощего солдатского бедра.

Пошив украшен воротником рыбьего меха, капюшоном и слюнявчиком. Слюнявчиком прозвали этаким специальный клапан-намордник, обычно висящий на груди под воротником, изнутри пошива.

Но если вдруг набегают пурга или крепчает мороз, то Воин Арктики закрывает морду слюнявчиком, поднимает воротник, натягивает капюшон и глядит презрительно на непогоду через узкую смотровую щель.

На пошив нашиваются крючки и после этого, он может застегиваться на любую сторону по выбору. То есть как бы на мужскую и на женскую.

Дело в том, что если задувает пурга в Тикси, то ветер всегда южный. И когда подразделение идет на боевое дежурство на свою площадку, пошивы застегиваются на правую сторону. А вот когда идут со смены – на левую. Делается это, чтобы по пути не надуло полную пазуху снега.

В комплекте к пошиву идут еще ватные штаны до груди и на лямках, а также валенки.

Если к ватым штанам черпак равнодушен, поскольку пользуется ими лишь в самую злую непогоду, то валенки он уродует весело и самозабвенно. Валенки погибают резными отворотами, как ботфорты мушкетеров, раскрашиваются анилиновыми красками и греют солдатские ноги и души, словно пряничные теремки на фоне скучного снега.

С шинелью вообще поступают просто. Она прошивается сзади и утрачивает навсегда способность служить солдату полноценным одеялом. После чего «шинель-матушка», как называет ее слегка слабоумный от пьянства Грибной Прапорщик Опёнок, расчесывается стальной щеткой для чистки лошадей.

В самой Москве, в ГУМе не найдете вы таких пальто, какие изготавливают черпаки из простых шинелей.

Нравится ли все это командирам? Ну, конечно же, нет. Могут ли они что-то с этим поделать? Ответ такой же.

Иначе, кто вообще будет нормально служить?

Солдат Советской Армии при желании может доставить сколько угодно хлопот своим офицерам. Лучше об этом и не думать, помилуй Бог!

Черт с ними с валенками, да шапками. Лишь бы, гады, служили.

И мы служили...

...Но продолжим.

Черпаку-помазку жизни всего-то полгода, он ведь потом превращается в дедушку.

А дедушка – это уже совсем другой крашенный коленкор.

Если черпак в азарте дурном службу тянет, старается, радуется, дурилка, что гусем быть перестал, нормативы сдает, значки мастерства воинского зарабатывает, то дедушка уже жизнь правильно понимает.

Дедушке обрыдло всё хуже сушеной картошки. На рожи шелудивые товарищей своих смотреть противно. Домой хочется, на гражданку. Не прёт его больше со службы.

И вот остывает дедушка. Гусей гонять перестает. Большой фигурный болт рококо вытаскивает постепенно, и медленно кладет его на обязанности свои служебные.

Альбом делать начинает.

А ведь всем известно, что если уж человек альбомом дембельским занялся, то видал он всю Красную Армию в чёрном гробу и в белых тапочках. Так сказать, в цветах флага Германии до тридцать пятого года.

После приказа об увольнении в запас дедушка становится дембелем. А дембель – он уже и не солдат вовсе, а йетти какое-то.

Жрёт, спит, мыться ленится, и мыслей у него в голове совсем мало. Думает он только о проездных документах, ну и ещё о бабах. Но пока доживешь до помазка-черпака, дедушки-дембеля, семьсот потов прольешь, семь пар чугунных сапог стопчешь, а уж сколько раз в хобот получишь – и сосчитать нельзя.

Тут понимать службу надо, шарить...

6

...Мы шарящие гуси. Мы врубаемся с полуслова, нам, арлекинам, не нужно полтора раза объяснять.

Мы, это: я – Бабай, Панфил, Джаггер и Чучундра. В роте у нас вообще немало нормальных чуваков, но мы как-то привыкли держаться вместе.

До армии я валял дурака и санитарил в больничке. Мне нечего особенно рассказать о себе.

Панфил – поэт. По крайней мере, он убежден в этом, а мы всегда рады послушать его писанину.

Я, как любой начитанный юноша, иногда тоже пописывал. Панфил всегда снисходительно хвалил мои стихи, но мне самому казалось, что его вирши были как-то повиршистее.

– Ты, Бабай, еще ничего, нормально лепишь, художественно. Но ты давай, это самое, на глагольные рифмы не налегай. И хореом больше, хореом. Ямбом у тебя малость уныло получается, – так говорил мне Панфил и брал в руки убитую нашу, не держащую строй ротную гитару.

Под гриф, чтобы пресечь шатания, был подсунут карандаш. Панфил исполнял «Восьмиклассницу».

– Вот это рифма! – восхищался он. – Послушай: «конфетку ешь», «в кабак конечно»! Это вещь! – а у тебя что? «микроскоп-телескоп», а? Да и у меня, братушка, не лучше, – вдруг самокритично добавлял он, – даже еще и хуже «брат – двоюродный брат». Те мы еще рифмачи а, Бабай?

И бил меня по плечу. А я в ответ бил по плечу его.

– Вас, музозвонов, в смысле поэтов, легко узнать на пляжу по наплечным синякам, – сказал нам Джаггер.

В ответ Панфил встал в позу нерукотворного памятника и прочитал:

...Отрекитесь от слова «моё».
Позабудьте про светлую грусть.
Жизнь возможности вам даёт.
Пусть немного, черт с ними, пусть!

Я возможности брать не спешил,
Мне везло и без них всегда.
И закон для себя открыл —
Абсолютно все – ерунда!

Жизнь, как чашечка кофе, проста.
Лучше пейте, пока горяч.
Занимайте свои места —
Начинается Главный Матч.

Вот и форварды с криком: Ура!
Лупят мяч – не промажет никто.
Пусть в свои ворота игра —
Каждый сам за себя зато.

Бьют в ворота, друг другу грубя.

Я билет в кулаке держу
И болею сам за себя,
И один на трибунах сижу.

В этой дикой и странной игре
Я лишь в зрители выйти смог.
Пусть я гол не забью. Но мне
Не отдавят бутсами ног...

...Панфил был настоящий работяга. До службы он вкалывал на каком-то железном комбинате, а кроме того играл на ритм-гитаре в рабочем клубе. К тому же у него осталась на гражданке девушка. Он постоянно строчил ей несусветно длинные письма и полагал жениться после армии.

– Поэт должен быть женат многократно, – так объяснял Панфил свою торопливость. – Чем раньше женишься впервые, тем больше раз успеешь жениться потом.

– Ты аморальный тип, – заклеил его Чучундра. – Женильба дело серьезное, почти печальное, так даже Гоголь считал. К тому же у меня трое друзей женились. И после свадьбы ни один ни разу не улыбнулся. А с тебя все, как с гуся вода.

– А я и есть гусь, – захохотал довольный Панфил, – и ты, Чучундра, кстати, тоже!

– Ты Пушкина знаешь? – спросил Панфил загадочно.

– Ну?

– Так вот, Чуча (так он ласково звал Чучундру), Пушкин был женат один раз. И к чему его это привело? А Лермонтов вообще не был женат ни разу. И что? Усек закономерность, Чуча?

– А Есенин сколько раз был женат? – коварно поинтересовался Чучундра, – И что? Помогло ему?

– Есенин бухал все время, поэтому и вздернулся, – влез в разговор Джаггер.

Во всех спорах, кроме собственных, он всегда поддерживал Панфила, видимо, из-за родства музыкальных душ.

Джаггер до армии был лабухом. Он, собственно, лабухом и остался, такую натуру не переделать. Где он только не играл в своем Красногорске и был способен изобразить всё, что угодно, от «Поспели вишни» до «Роллингов».

Если бы потребовалось описать Джаггера одним словом, то слово это было бы «кипяток». Соображал он быстро и лихо, а думать никогда и не пытался.

Во время думанья он остывал и прекращал действовать.

...Хорошие гитаристы ценятся в армии. Развлечений особых нет. А Джаггер был музыкантом-универсалом и не просил времени, чтобы подобрать мелодию. Просто играл ее на слух, да и все.

Поэтому Джаггер позволял себе дерзить всем подряд, и обычно ему это как-то сходило с рук. В особо горячие моменты мы с Панфилом утягивали Джаггера в тыл, а Чучундра вежливо объяснял, что тот имел в виду на самом деле, и конфликт разрешался.

Чучундра, постоянно поправлявший тяжелые очки на длинном носу, был самый престарелый и мудрый из нас. Шутка ли – МАИ за плечами. Правда, не весь. Вышибли его, беднягу, с последнего курса.

– Как-то нелепо все получилось, – рассказывал нам Чучундра, – сижу, значит, я на лекции в амфитеатре...

– Где сидишь? – обалдело перебил его Джаггер, – в амфитеатре? Где гладиаторы, что ли?..

– Да нет, – терпеливо продолжил Чучундра, – зал такой, для лекций. Полукруглый. Ряды вниз идут. Ну, как в цирке...

– В цирке я бывал, – удовлетворенно сказал Джаггер.

Чучундра продолжил:

– Так вот. Сижу, слушаю нудятину эту. Со сном борюсь. А на ряд ниже меня, двое активистов через наушники кассетный плеер слушают. Плеер «сони» на минуточку, из «Березки».

– Дык, ясен пень, Москва, столица, как по другому-то, – не унимался Джаггер.

– Конечно, ты-то дома только граммофон с Шаляпиным слушал, – парировал Чучундра и покотил свой рассказ дальше:

– Эй, комсомольцы, говорю, дайте и мне насладиться, что там у вас? Они мне наушники передали, слышу: «Пинк Флойд», «Стенка». Погромче, говорю, сделайте. Сделали. Сижу – наслаждаюсь. И тут смотрю я, лектор наш, профессор Гироскович, на меня посматривает. И посматривает как-то нехорошо. Пристально. Я активистам тихонечко говорю: «Комсомольцы, прикройте-ка меня от этого мудилы. Что-то он на меня вылупился, как жопа на ёжика». То есть, это я думал, что говорю шепотом. Когда в ушах-то «Пинк Флойд»... Короче, я это на всю аудиторию сказал. Весь курс слышал. Мне потом многие руку пожимали, потому что Гироскович на самом деле тот ещё мудила. Одна проблема – мудила с хорошим слухом. В двадцать четыре часа меня приказом по институту шуганули. Правда, с правом восстановления через год.

Ректор, как выяснилось, профессора этого тоже не любил. А вот «Пинк Флойд уважал». Но военком наш шустрее оказался... И вот я с вами, друзья! Лицезрю ваши рожи! – патетически закончил свой рассказ Чучундра и плюнул на очки, чтобы протереть их...

7

– Рота! Строиться! – прокричал сержант Налимов, – Будем чистить оружие!

...Оружие мы чистили ежедневно.

Похабник Джаггер утверждал, что этот процесс своей периодичностью и особенно конечным результатом напоминает ему мастурбацию.

Стрелять нам пока не давали.

– Не стреляли, и не будете, – разбил наши надежды сержант Рязанов, – мы тут за всю службу по четыре раза отстрелялись. Не для того вас, арлекины, призывали, чтоб вы патроны жгли. Вот пакля, вот масло. И чтоб блестело, как... (ну, про кота вы уже знаете).

Мы разобрали автоматы из оружейки и, расчленив их, принялись полировать масляной паклей вороненные потерянные детали.

– Скоро начнем в караулы ходить, – сообщил Панфил.

– Да уж, смотри, как бы не на кухню, – остудил его Джаггер, – на кухню-то мы быстрее попадем.

В учебной роте было принято формировать караульные наряды из более-менее шарящих гусей. Остальные бедолаги закрывали наряды по кухне, наиболее тяжелые и грязные.

В караулы из учебной роты пока никого не брали. Мы все ходили только на кухню или дневальными. И то, и другое было совершенно омерзительно, но в наряде по кухне можно было еще нарваться на неприятности с чужими черпаками, которые, как молодые акулы, были рады любой добыче.

– Товарищ сержант, – закинул невод Чучундра, обращаясь к Налимову, – а вот мы бы могли начать уже караулы после присяги? Устав мы учим. А вы бы с нами начкаром. Уж как хорошо с вами было бы дежурить.

– Эй, гусяра, а со мной, что ли плохо? – заорал подслушавший сладкую Чучундрину лесть сержант Рязанов, – на кухне сгною, до конца учебки котлы будешь гондурасить!

– Да ладно, Рязанчик, не мельтеши, – окоротил его Налимов, – видишь, нормальные пацаны, не буреют.

– Там поглядим, – кивнул он Чучундре, – если залетов не будет. Короче, готовьтесь. Устав караульной службы учите, монстры.

Воодушевленные перспективами, мы продолжили чистку, а сержанты отправились покурить.

– Эй, Бабай, гля чё я нашел, – услышал я под ухом хрипловатый басок Бати, – в оружейке сейф отпёртый, а там вот...

Батя держал в чумазой руке что-то вроде фанерной шкатулки без крышки. В аккуратно высверленных дырочках маслянисто светились патроны, три ряда по десять штук. Возле капсюлей стояли зеленые метки.

– А вот эти я в магазин зарядил, – сообщил Батя, помахивая рожком «калашников», полным патронов. – Эти из другой коробушки, на них краской не помечено ничего, видать холостые.

Я беспомощно оглянулся. Логика Батиних действий меня просто обескуражила.

Джаггер с Панфилом быстро заслонили нас ото всех. Чучундра занял позицию в стороне, чтобы засечь появление сержантов.

– Батя, придурок, зачем ты их вообще взял, и на хрена в магазин вставил, – зашипел я.

Да не пысай ты, – спокойно ответил Батя, – я же просто для тренировки. Вон в караул скоро пойдем. Я в школе на НВП так сто раз делал. А патроны без метки, значит холостые.

– Давай, разбирай все это к херам и поживее, – заверещал Джаггер, – спалишься сейчас и нас всех спалишь, дефективный!

– Ладно, – покладисто согласился Батя. И вместо того чтобы начать разряжать магазин, прищелкнул его к автомату. – Проверю только, как затвор работает, и всё.

Тут он передернул затвор дважды, и автомат исправно выбросил один патрон. Это означало лишь то, что второй остался в патроннике.

– Шухер, – тихо сообщил Чучундра.

Из каптерки показались перекурившие сержанты.

Батя засуетился, не зная, что предпринять, завертелся в разные стороны с автоматом. Панфил сунул патронные фанерки куда-то под стол.

Тут пес Курсант гавкнул дважды с подвывом. Бухнула входная дверь и дневальный Кролик крикнул:

– Рота, смирно! Дежурный по роте на выход!

Далее всё происходило как бы одновременно. В роту, бодро топая толстыми ногами, вошел замполит Дядя Ваня. Его щекастая морда, словно говорила: «Угораздило же меня попасть из Сочи в Тикси»...

Сержант Рязанов, бывший в этот день дежурным по роте, кинулся вперед, вскидывая руку к виску и тараторя:

– Товарищ майор, за время моего дежурства...

Видимо Рязанов спешил сообщить Дяде Ване, что за время его дежурства никаких происшествий не случилось, а бравая учебная рота занята чисткой личного оружия...

Но Батя, как и все мы, честно и быстро выполнил команду «смирно». При этом он грохнул прикладом АКМа об пол, держа ствол кверху.

Раздолбанный старый автомат с патроном в патроннике и взведенным затвором не выдержал и пальнул.

Бате, по божьему попущению, еще повезло, что он не накрыл ствол ладонью. Пуля слегка обожгла его правое крупное ухо и выбила облако штукатурки из потолка.

Все замерли на месте. Даже наши сержанты растерялись и застыли чучелами. Не спасовал лишь один замполит Дядя Ваня.

При звуке выстрела он оглушительно подал команду: «Ложись!» Видимо сам себе, так как все продолжили стоять в изумленном остоленении.

Сам же замполит с грохотом рухнул на пол и, подкидывая упитанную задницу, споро пополз к выходу.

У самой двери его настиг кобель Курсант, который не только не испугался выстрела, но даже как-то взбодрился, видимо припомнив юность боевую где-то на тундровом стрельбище.

Пес пристроился к ползущему замполиту, принимая вероятно его движения за приглашение к некой эротической игре, вскочил на Дядю Ваню и заелозил быстро, как обычно делают собаки, выражая кому-то амурные чувства.

Майор, заместитель командира части по политической и воспитательной работе, головой отворил дверь и выполз из роты с суетящимся кобелем на спине.

Как говорится, слуга царю, отец солдатам...

Первым вышел из ступора сержант Налимов. Он подтолкнул сержанта Рязанова и напомнил ему дружески:

– Сегодня твое дежурство-то. Тебе отвечать. Видать на дембель-то совсем не уедешь. Никогда.

Рязанов медленно подошел к Бате, осторожно вынул у него автомат из замерзшей руки. Заботливо осмотрел слегка опаленное ухо.

И тут же левой рукой навесил в это ухо так звонко и смачно, что несчастный Батя перевернул три стола, прежде чем упал сам.

– А с вами, арлекины, ночью поговорим, – сообщил нам душевно Рязанов.

И сержанты, повернувшись, пошли на доклад к командиру роты. По их спинам было видно, что люлей они огребут сегодня доверху. Но отыщут утешение в ночной беседе с нами.

– А вот сейчас, – заявил Панфил, поднимая с полу хнычущего Батю, который со стороны ушибленного уха здорово смахивал на Чебурашку, – да-да, именно сейчас, самое время почитать вам стихи...

...Я ожидал ни малого, ни многого,
Как через лес шел сквозь толпу людей.
И я устал идти чужой дорогою,
Но все не мог найти одной своей.

Ведь где-то есть тропинки (в это верю я)
Что ждут меня, травую шелестя.
А я топчу бетон так неуверенно,
Лишь ветры в нервах проводах свистят.

Но стоит ли по-детски так капризничать?
Нам всем везло. И всем нам не везло...
Мне светит вместо звезд в тумане призрачном
Пивных бутылок битое стекло...

Взамен покинувшего роту замполита с собакой на спине, в подразделение немедленно прибыли майор Мухайлов и лейтенант Минусин.

Разборки были страшные, но короткие. Чтобы не ронять авторитет сержантов, мы были загнаны в ленинскую комнату. Через дверь доносились до нас вопли майора:

– Кретины в погонах, выдры мохноногие! Под монастырь меня подводите? Мне через год в Ригу переводиться. Хотите, чтоб я в Могочах дослуживал? Сокрушу, сгною обоих в дисбате! А ты что пасть открыл, выхухоль очковая!? (Это майор обращался уже к Минусу) Я тебя, полудурок, здесь пригрел, но также и разогрею взад, животное! Я тебе такую аттестацию напишу, клоун, что на пенсию младшим лейтенантом выпорхнешь. Нет!!! Недостоин! Младшим лейтенантом ты не выпорхнешь, а выкатись в инвалидном кресле! Потому что копыта я тебе лично переломаяю! Где ты был, конь педальный?! Почему, млядь, отсутствовал в роте?

Мы услышали что-то среднее между мычанием и заиканием. Видимо Минус пытался молвить нечто в ответ.

Понятно, что майор ему такой возможности не дал.

– Молчать, тварь, пародия на макаку! Из роты ни ногой. Жрать, спать и хезать здесь. Пока эти выблядки друг друга на хер не поубивали!

– Так, твари, – переключился Мухайлов на сержантов. – Чей это был автомат? А кто знает? Где журнал оружия? Где подписи? Где вообще старшина?! Где этот алкаш? Что, тля? На ужине? Бегом сюда! Раненым кабанчиком!!!

Раздался подобострастный топот. Сержанты кинулись за старшиной.

Им был тот самый человек-опёнок, принимавший нас в бане в день прибытия. Грибной прапорщик с невкусной фамилией Пердуренко.

Сержанты приволокли его через минуту.

Мы слышали, как Опёнок начал объясняться с майором, дожевывая что-то.

– Товарищ прапорщик, – гремел Мухайлов, – чье это оружие? Где журнал? Почему патроны не в сейфе? Вынь ты уже сосиску из пасти или я ее тебе в дупу засуну. Отвечать!

Грибной прапорщик видал и не такие виды и потому не суетился. После проверки всех журналов выяснилось, что автомат, из которого пальнул Батя, вообще не числился за учебной ротой.

– А чей же он тогда? – заливался майор Михайлов, – вот не хватало мне чужого автомата, каки сизые!

– Хрен его знает, товарищ майор, – меланхолически отвечал Опёнок, – ствол этот точно не наш. Может быть, с пятой ротой поменялись на прошлых стрельбах? Они могли. Такие же долбоотрясы, как и мы, – самокритично добавил прапорщик.

– Ладно, – подытожил майор, – вижу, с кем дело имею. Всем помалкивать. Патрон завтра принесу. Автомат был неисправен и стрелять не мог... Лейтенант Минусин, возьмите в мастерской кувалду и приведите оружие в соответствие с рапортом о неисправности.

– Все вам по хрену, – безнадежно добавил Мухайлов, – а мне теперь неделю с замполитом пить. А у меня печень, и дочь невеста...

– Я вас всех выежу и высушу, – пообещал майор напоследок, – да, кстати, пса-насильника вашего – к черту! Отправьте его на Первую Площадку. Увижу здесь – пристрелю, как собаку.

Мы сидели, притихшие, в ленинской комнате. Гроза, прогремевшая над головами сержантов, вскоре должна была докатиться до нас.

– Печально, други, нас ждут репрессии, – напроорочил Чучундра, и попросил: – Панфил, развлеки душу, прочти что-нибудь.

Дважды к Панфилу с такими просьбами обращаться не приходилось...

...В любви немного счастья было.
Забыть, простить, не умереть...
А море, словно в бубен било
В земную твердь, в земную твердь.

В прозрачном небе солнце пело,
Оно слепило мне глаза.
Я на песке увидел тело,
А на воде следы Христа.

Иисус! Мне жаль тебя, словно друга.
Ты зря страдал за нас на кресте.
Тебя продавал лишь один Иуда.
Но деньги мы пропивали все.

8

...Гуся бить совершенно необязательно.

Тем более, что Батя уже лично получил по уху, а остальные должны были быть наказаны в соответствии с доброй традицией круговой поруки.

Нет, гуся бить совершенно ни к чему.

К тому же сержантов всего двое, а гусей – тридцать рыл, в смысле клювов. И неизвестно, как они могут ответить на беспредел.

А гусь пошел нынче наглый да своевольный, палит в учебной роте из автоматов, нарушает плавное течение службы.

Ко всему прочему лейтенант Минус приставлен к роте приказом командира. И если этот зануда не станет возражать против легкого внушения в рамках устава, то против явного побоища он выступит однозначно. За такое придется ответить в случае чего ему самому.

...Вечером команда «отбой» прозвучала вовремя. Обычно сержанты поднимали нас снова, из-за пресловутых сорока пяти секунд и репетировали это дело раза по три-четыре, а потом все же отправляли спать.

В тот вечер мы вскакивали и ложились часа полтора. Пол был усеян горелыми спичками.

Лейтенант Минусин, чтобы не расстраивать окончательно нервы, потрепанные майором Мухайловым, ушел в микрофонный класс. Надел на понурую голову наушники с «Песнями» и сделал вид, что беспробудно уснул.

Сержанты приободрились.

– Ничего-то наши арлекины не успевают, – пожаловался коллеге сержант Рязанов.

– Обессилели гуси. Силы кончились, – заступился за нас Налимов. – Чтобы силы были, тренироваться нужно, спортом заниматься. А то вона какие доходяги они у нас. Вот Бабай только четыре раза подтянуться может. А Чучундра вообще ни разу, пока сапогом не поможешь.

– Так-то да, – согласился Рязанов, – не тренируем мы их. Поэтому сил и хватает только из чужих автоматов стрелять да замполитов собаками трахать.

– А мы? Как мы тренировались? – продолжил сержант, – помнишь, Налим, как табуретки держали? Теперь мышцы – во! Железо.

– Не, – сказал Налимов, – не пойдет. Мы не звери. Табуретки держать тяжело. Пусть подушки держат. Они легкие.

...Тридцать молодых людей в кальсонах стояли ровнехонько, в одну шеренгу, вытянув перед собой руки ладонями вверх. Сержант Рязанов возлагал каждому на руки по подушке, которые быстренько подавал сержант Налимов.

Всё это походило на веселую игру первые пять минут. Наши руки неизбежно наливались тяжестью и клонились долу, подобно спелым колосьям.

Мне припомнилось выступление провинциального гипнотизера, на котором я как-то побывал.

– Ваши руки тяжелеют, становятся свинцовыми, веки закрываются, вам хочется спать, – вещал тогда гипнотизер-чудотворец утробным басом.

Было очень похоже. Руки наши тяжелели и хотелось спать.

Чтобы немного облегчить это нелепое держание пухо-перьевых изделий, мы прогибались назад, перемещая более выгодно центр тяжести. Уже через пятнадцать минут вся рота походила более не на Воинов Арктики, а на средневековый цирк уродов. Кроме извращения в червеобразных позах, бойцы помогали себе всевозможной мимикой. Закушенные

губы, выпученные жабы глаза, вкривь и вкось высунутые сизые языки, и тяжелое сопение выгодно дополняли общую картину.

Сержанты наши, веселыми лайками бегали вдоль строя и орали:

– Руки не опускать!

Самые маловыносливые из нас получали поддержку в виде легких, дружеских тычков под ребра.

Через некоторое время многие бойцы начали валиться вперед вместе с подушками, выполняя приказ «не опускать руки». Руки-то как раз и оставались под требуемым прямым углом к телу. А вот само тулово, влекомое подушкой, заваливалось вперед.

– Ненавижу гравитацию, – прохрипел Панфил, корчившийся возле меня, и выпал из строя. Я тоже решил не сопротивляться и упал рядом.

Недовольные нашей физической формой, сержанты, как люди справедливые, во всем винили только себя. Так и хотелось их хоть чем-нибудь утешить.

– Плохо мы их учили, мало тренировали, – причитал Рязанов.

– Да нас за это под трибунал отдать нужно, – вторил Налимов, – совсем личный состав ослабел без тренировок. Подушку удержать не могут. А вдруг война? Как биться-то с супостатом...

– Наверстаем! – пообещал Рязанов. – Эй, которые упали, встать! Упор лежа принять. Раз-два, раз-два, веселей, качаем руки.

Через несколько минут отжималась уже вся рота. Из класса высунулась заспанное лицо лейтенанта Минусина.

– Спорт – это хорошо, – сказал он, видимо, сам себе, и всунулся обратно.

Поначалу отжиматься от пола показалось намного легче. После пятидесятого раза наше мнение изменилось. Под каждым носом на деревянном полу уже накопилась небольшая, но неизбежно растущая лужица пота.

Чтобы дать нам отдых, сержанты иногда приказывали нам встать, но мы едва успевали подняться, как они радостно вопили:

– Лечь!

И повторяли это дело раз по тридцать:

– Лечь, встать, лечь, встать, – пока это не надоедало им самим.

Отдохнув, ложась и вставая, мы вновь принимались отжиматься.

– Скучно с вами! – заявил сержант Рязанов. – Душа песни просит. Панфил, бегом в ленкомнату, балалайку сюда!

Панфил прибежал с гитарой и тогда Рязанов приказал ему сесть на табурет:

– Давай что-то такое, пободрее, чтоб гуси не ленились, не скучали.

– Продолжаем отжиматься, монстры! – заорал он на нас. Панфил держал гитару, глядя в пол. Руки его подрагивали.

– Ну, ты чего? – как-то даже по-дружески сказал ему Налимов, – давай играй, родной. «Слепили бабу на морозе» знаешь?

Панфил прошептал что-то себе под нос, по-прежнему глядя вниз.

– Что? Ты что сказал, арлекин? – удивился Налимов.

Тогда Панфил, по-прежнему глядя себе на ноги, но уже громко и очень четко сказал:

– Я. Не буду. Играть.

– Молодец! – обрадовался Налимов, – так они будут отжиматься, пока ты не заиграешь.

– Панфил, давай играй, – прохрипел кто-то из отжимающегося строя, – сдохнем тут нахрен.

Панфил не поднимая головы, взял первые аккорды.

Нельзя сказать, что рок-н-ролл сильно помог нам, поэтому на выручку поспешил сержант Налимов:

– Встать, лечь, встать, лечь, – заладил он снова. А сержант Рязанов в это время стоял над Панфилом и орал ему в ухо:

– Играй, артист, играй, не слышу! Громче!

Рядом со мной вдруг кто-то отчетливо сказал:

– Достали, бляди!

Тут же Кролик, а это был именно он, неувовимо быстро оказался возле Панфила, вырвал гитару у него из рук и одним движением разнес ее об пол.

– Строй не держала совсем, старая была! – объявил он громко. – Нет гитары – нет проблемы.

Кролик, шустрый, как ртуть, был вообще типом трудно предсказуемым. Больше слушал, чем говорил. А говорил зачастую что-то не вполне ожидаемое. По его лицу невозможно было понять, что он сделает в следующую секунду.

Сказать, что сержанты наши обледенели, это значит не сказать ничего. Чтобы прийти в себя им потребовалось добрых полминуты.

– Ты что, заглутился? Обурел? – провыл каким-то утробным голосом Рязанов. – Иди сюда. Иди, сука, в умывальник, мы тебя сейчас разглуплять будем!

И сержанты, заходя с двух сторон, принялись теснить Кролика в умывалку, надо полагать, на расправу.

Строй разрушился. Сержанты, видимо от возмущения, допустили стратегическую ошибку. Обычно старики, для остужения забуревшего молодого, поднимали его одного среди ночи под каким-то предлогом, а уже затем вершили воспитательный процесс в туалете. На этот раз все происходило на глазах всей роты.

– Не иди с ними, Кролик, – крикнул я, стараясь, тем не менее, не слишком светиться.

– Не ходи! – услышал я голос Чучундры.

– Не ходи! – заорала вся рота.

Сержанты кинулись на Кролика. Рязанов попытался попасть ему в печень, но Кролик легко увернулся, проскочил между ними и очутился среди нас.

Налимов и Рязанов попытались вытащить его из гущи, и тут уже получилось настоящее столпотворение. Бить сержантов по-настоящему не хотел никто. Гуси по любому остались бы виноваты в случае большой разборки.

Сил, после трехчасового спорта, тоже не было.

С другой стороны Налимов и Рязанов резонно опасались разбудить Минуса. Да и драться по-настоящему с утомленными, но многочисленными белокальсонниками не входило в их планы.

Потасовка приняла характер позиционной борьбы.

Матерящиеся сержанты тянули наружу Кролика, а мы отталкивали их, смыкаясь вокруг сокрушителя гитар живым кольцом. Напряжение нарастало, постепенно сержанты начали раздавать вполне полновесные удары.

Гуси принялись отвечать, особенно усердствовали Джаггер и Кролик. Кролик ловко уворачивался, но сам попадал в корпус довольно точно. В морду он пока не бил.

– Вам конец, суки, конец! – вопил Рязанов. – Мы вас всех загнобим в корень, затазем, твари, по уставу!

Чучундра, который не умел драться вовсе, но желал поучаствовать в ристалище, свернувшись клубком, бросился сзади под ноги сержантам и опрокинул всех.

Образовалась куча-мала.

Из кучи этой выцарапался Рязанов и побежал к тумбочке. Ткнув пальцем в кнопку ГГСки, он закричал:

– Вторая рота, дневальный! Быстро мне черпаков! Что? Того, кто ближе, тля. Саня! Давайте живо в учебку, у нас гуси поломались, чинить надо.

И выключив ГГСку, повернулся к побоищу:

– Конец вам, козлы.

Ясно дело, что наш боевой пыл поостыл сразу. Хорошего ждать не приходилось, а помощь нашим сержантам прибыла незамедлительно.

Дюжина черпаков и трое дедов прибежали по морозу, даже не накинув пошивов.

Они мгновенно оценили обстановку. Тридцать гусей в кальсонах, замученных нездоровым спортом, были легкой добычей. Сержант Налимов уже выбрался из гусиной стаи и ожидал расправы над нами рядом с Рязановым.

Мы начали сбиваться теснее друг к другу, образуя боевой порядок, причем видимо из соображений общей тактики, каждый желал занять место в тылу. Таким образом, толпа наша медленно вращалась, как помешиваемый суп-пюре. Черпаки с дедами пошли на нас, горяча себя боевыми кличами.

– Вешайтесь, суки! Что, гусяры обуревающие, служить не хотим? Заглупились? Будем разглуплять.

Тут, растолкав нас, вперед шагнул Джаггер.

И пошел, широко разводя руки, по направлению к старикам.

У меня мелькнула мысль, что он хочет покончить с собой, принеся себя в жертву. Пока его будут терзать, остальным непременно нужно спастись. Но как? Куда? Бежать, прыгать в окна в кальсонах? Или может быть, Джаггер подает нам пример, и необходимо кинуться на дедов всем вместе, да и поубивать их, пользуясь явным численным преимуществом?

Эти соображения пронеслись в моей голове намного скорее, чем можно об этом прочесть, а события развивались еще быстрее.

Из строя стариков вышел, судя по поношенной уже форме, дедушка. Горная горилла с кулаками-дынями. Горилла ухмыльнулся и так же, разводя руки, пошел навстречу художочному Джаггеру.

– Это конец, – шепнул мне Чучундра, – сейчас будет битва Пересвета с Челубеем.

Бойцы сблизилась и еще больше развели руки, словно принимая некую боевую стойку. Джаггера я видел со спины и его затылок выражал смертельное упрямство. Дед кровожадно улыбался. Жить Джаггеру оставалось, может быть, полсекунды, и тут он заорал диким голосом:

– Чингачгук!!! Етить твою мать!!!

А дедушка-горилла так же дико заорал:

– Джаггер! Мать твою етить!!!

И они заключили друг друга в объятия, причем ноги Джаггера оторвались от земли, и он повис на Чингачгук, как макака на более крупном примате.

Все слегка остолбенели. Джаггер и Чингачгук начали колотить друг друга по плечам и спинам, расспрашивая и одновременно рассказывая новости о знакомых пацанах на районе.

Рязанов и Налимов кислотовато переглянулись, им явно думалось, что вечер продолжится как-то иначе.

– Земеля, земля моя, – ласково потряхивал Чингачгук Джаггера, как фокстерьер пойманную крысу, – корефан мой! – представил он Джаггера другим старикам. Лабух знатный, у нас в клубе играл, и в кабаке тоже. Ровный пацанчик. А помнишь Джаггер, как ты нас от ментов в кабаке, в подсобке прятал? – Чингачгук захохотал довольно, – а мы там весь портвейн выжрали...

– Короче, если б не этот пацан, – Чингачгук повернулся к нашим сержантам, – я бы не в Красной Армии снег топтал, а на лесоповале. В общем так, этого пацана не трогать, я его после учебки себе на замену, на пост перехвата возьму.

– Чингачгук, ладно, он корефан твой, – попытался поправить положение Рязанов, – но они тут все обурели.

Черпаки и дедушки из второй роты почему-то рассмеялись.

– Вы, тля, если не можете с гусями справиться, нехер было место в учебке у командира выдуривать, – сказал Чингачгук, выражая видимо общее мнение, – шли бы как мы, в микрофонщики, шесть через шесть мослатся на дежурствах. Джаггера не трогать! А с остальными разбирайтесь сами. И если они вас отмудохают и затянут, то судьба вам до дембеля затянутыми ходить. Хао! Я всё сказал.

И тут поняли, почему Чингачгука зовут Чингачгуком.

После ухода индейского гориллоподобного вождя со свитой сержанты построили нас в коридоре. Завод у них явно кончился.

– Ладно, арлекины, – пообещал нам Рязанов, – вы еще поймете, как лучше. Мы вас по уставу задрючим. Сорок пять секунд отбой!

И они нас действительно задрючили...

В первый же перекур Панфил открыл было рот, но все закричали: – Знаем, знаем уже, давай читай, Цветик хренов, не спрашивай.

К его стихам народ уже привык. И Панфил прочел:

...Вы – безнадежны, я – неисправим!
Давайте повоюем хоть немного!
По-свински, некрасиво, в грязь и в дым,
И в бога, в мать, и в дальнюю дорогу.

В нее втоптали мы своих врагов,
Раскаялись, рыдая неумело,
Нажрались на поминках пирогов
И вновь вперед! Вершить святое дело...

А святость в чем? А в грешности она —
Жалеем дураков и душим умных,
Со сволочью обнявшись, пьем до дна,
Как мух гоняя ангелов бесшумных.

И верим в ад, где смрад и серный дым,
Все это совмещая с верой в Бога...
Вы – безнадежны, я – неисправим,
Давайте повоюем хоть немного!

9

...Кролик утверждал, что существование наше вполне светское. Сплошные наряды и ночная жизнь. Ночью мы занимались физкультурой. В наряды ходили почти ежедневно.

Кроме этого занятия, у нас появилась еще одно дело, занимающее весь остаток времени. После принятия присяги и завершения курса молодого бойца мы начали учиться.

Мы располагались в классе по два человека за столом. На голове у каждого были надеты черные эбонитовые наушники с гуттаперчевыми лопухами, чтобы не натирало. В наушниках звучала исключительно английская речь.

В начале занятий Минус, расхаживающий как маятник по учебной комнате, сообщил нам следующее:

– Вы служите в необычных войсках. Это войска у-у-уффф... Особого Назначения. Так сказать Осназ, ОГВА. Что означает Оперативная Группа Войск в Арктике. Мы подчиняемся у-у-уффф... непосредственно Главному Разведывательному Управлению. И вы должны этим у-у-уффф... гордиться.

Особой гордости мы пока не ощущали.

– Чувствую, что попали мы в ту еще непонятку, – сказал уныло Джаггер.

– Хрен выпутаешься, – вторил ему Панфил.

– На секретный допуск подпишут, даже в Монголию не выпустят до конца жизни, – напроорочил мудрый Чучундра.

Я воздержался от высказываний, потому что на самом деле мне льстило, что я оказался в таких крутых войсках. Мы будем заниматься радиоразведкой. О таком я просто никогда не слышал.

Минус нудно, но довольно внятно объяснил, что нам собственно предстоит и как все это работает.

Самолеты нашего потенциального противника, а именно стран НАТО, летают, негодяи, где хотят. И наша задача – узнать, где именно они это делают и о чём говорят.

Пилоты их общаются между собой и диспетчерами открытым текстом. Разговаривают по радиации на коротких волнах. Мы эти вражеские частоты знаем и постоянно находим новые.

Кроме того, мы пеленгуем супостатов и следим за их местоположением. Вся информация попадает к офицерам оперативникам. А после первичного анализа отправляется в Москву. А уж в Москве... ну, это нам знать было не положено.

Оставалась мелочь. Выучиться различать английский радиообмен.

Учитывая, что английский язык в школе преподавался и изучался не слишком усердно, а многие вообще учили немецкий, задача была вполне посильная. Поскольку в Красной Армии непосильных задач не ставят. А если такая задача все-таки поставлена, то мы ее сделаем посильной и решим, нахрен, в два счета.

– Как лорды будем, – говорил Джаггер, – хау ду ю ду, тля.

Как раз ему и Панфилу дело давалось лучше других. Сказывался опыт исполнения английского рок-н-ролла по кабакам.

Чучундра успел подучить английский язык в институте. Я слегка тормозил. Кролик то обгонял меня, то отставал.

Батя вообще не понимал, чего от него хотят. Впечатление было такое, что он узнал о существовании английского языка только в армии. Все старались, как могли.

Для начала нам вбили в головы английский алфавит. Не тот, который учат в школе, а тот который используют для радиообмена. Система несложная.

Так же, как в старом русском алфавите, буква «А» называлась «Аз», а буква «Б» – «Буки», так и американские пилоты не кричали в эфире «Эй», «Би», «Си», а выговаривали

«Альфа», «Браво», или «Чарли». Такое произношение очень трудно перепутать, несмотря на любые помехи в эфире.

Вообще язык радиообмена немногословен – двести-триста слов или стандартных фраз вполне достаточно, чтобы уверенно себя чувствовать на перехвате. Но и эти триста слов нужно выучить, да еще и уметь распознавать.

К несчастью для нас, шпионов, коротковолновой эфир переполнен помехами, ибо короткая волна многократно отражается от озонового слоя и еще черт-те от чего.

Когда мы впервые услышали магнитофонную запись настоящего радиообмена, где на фоне щелчков, завывания, хрипов и какого-то писка, неясный голос, постоянно меняющий тональность, забормотал что-то по-английски, мы безнадежно переглянулись.

– Никогда я этого не пойму, – обреченно сказал Панфил, – пусть меня особист расстреляет, я ничего не разбираю.

Через две недели Панфил лучше всех нас писал радиообмен... Кроме всего прочего, мы изучали устройство радиоприемников, пеленгаторов и тактико-технические данные самолетов НАТО.

В качестве поощрения нам давали полистать американские журналы, которые выписывало из Америки советское Министерство обороны. Журналы назывались «Air force» и радовали нас красивыми самолетами, а еще больше – яркой рекламой с американскими девицами разной степени обнаженности.

Через месяц многие из нас начали нормально разбирать эфир, который мы слушали пока только в магнитофонных записях.

Приблизительно определялась и наша дальнейшая судьба. Хорошо шарящие и слышащие эфир гуси, после учебки должны были направиться во Второе Подразделение. Они становились элитой, микрофонщиками. Из них ковали спецов, подслушивающих переговоры супостатов в эфире. Этих волков поиска и акул перехвата до конца службы кормили сырым мясом радиообмена.

Из троечников изготавливали радистов, и они поголовно изучали азбуку Морзе.

Грубиян Джаггер говорил, что радисты напоминают ему басистов. Старательны и туповаты. Радисты не обижались, а басистов у нас не было, если не считать самого Джаггера, который при случае мог вполне сыграть и на басу.

Батя и еще несколько подобных ему пареньков должны были продолжить службу в хозяйственной роте. Их ждали дизеля, трехфазный ток, сварочные аппараты и автомобили.

Существовала еще одна, особая ипостась радиоразведки – Первая Площадка. Это был радио-пеленгационный центр. Туда попадали те, кто был слабоват как микрофонщик и не вполне годился на перехват. Но и в радисты отправлять такого человека тоже было нельзя, не говоря уже о хозроте.

Народу на Первой Площадке было совсем немного. Она находилась на отшибе, примерно в трех километрах от части. Голая тундра вокруг и единственная дорога создавали все условия для относительной анархии. До абсолютной дело не доходило, но свободы на Первой Площадке было гораздо больше.

Набирали туда разборчиво. Критерием являлось какое-либо художественное или техническое умение. Впрочем, судьба наша была неизвестна тогда никому, а уж нам самим и подавно.

...Во время занятий в теплом микрофонном классе самым трудным было не заснуть.

Со сном боролся лейтенант Минусин, периодически колотя деревянной указкой по столу со страшным грохотом. Если спящие не просыпались от этого, то Минус давал указкой по голове.

– Черт проклятый, – жаловался Джаггер, – и не поспал толком, и вся голова в шишках; как шапку ни надень, всюду давит.

– Не гони, – увещевал его Панфил, – у тебя еще на призывном вся голова была шиш-кастая.

Иногда Минус давал нам длинные задания, включал магнитофонную запись примерно на полчаса и уходил. Мы должны были записывать радиообмен без ошибок. В такие минуты за нами присматривали сержанты.

Я сидел за столом с Чучундрой. Панфил и Джаггер располагались чуть сбоку и впереди от нас. Было хорошо видно, как шишкастая голова Джаггера медленно, но неизбежно склонилась и легла на доску стола.

Через минуту Панфил отрубился рядом с ним. Мы продолжали писать.

В это время тихонько приоткрылась дверь в класс, и внутрь прокрался сержант Рязанов. Он сразу приложил палец к тонким губам, как бы приказывая нам не будить спящих.

На роже его большими буквами было написано, что он замышляет какую-то гадость.

Я скомкал лист бумаги и бросил в затылок Джаггеру. Чучундра бросил ручку в Панфила. Я попал, но Джаггер не проснулся. А Чучундра и вовсе промазал.

Сержант Рязанов шепотом подал команду:

– Всем кто спит... – а затем продолжил в полный голос, – встать! Естественно, что тут же выскочили только дрыхнувшие.

Ими оказались Панфил, Джаггер и Кролик, который тоже задремал где-то в углу.

– Вы, все трое, – обратился Рязанов к заспанцам, – уже выпались. Так значит пришло время творческой деятельности. Пойдете на алмазы.

– А вы, – он повернулся к нам, – хотели помочь товарищам? Так идите с ними, арлекины, и помогайте.

В это время раздался дикий грохот. Как оказалось, Батя, который не проснулся, даже когда сержант заорал «Встать!», сейчас упал со стула и потянул за собой стол.

Рязанов поднял Батю за шиворот. Тот явно был еще не с нами. Глаза плавали где-то, видимо в родном леспромхозе. Рот зевал прямо в лицо сержанту.

– Ничего, проснешься на алмазах, – сказал Рязанов.

– Товарищ сержант, что за алмазы-то такие? – нахально спросил Джаггер.

– А я вам сейчас покажу, – пообещал сержант Рязанов. И он нам действительно показал...

10

...Для начала Рязанов велел нам одеться в старые, третьего срока пошивы и штаны.

– Чтоб в алмазной трубке не замараться, – пояснил он.

Затем выдал каждому по лому и вывел наружу через запасную дверь туалетной галереи.

Слегка морозило, и после душной учебной комнаты, воздух был вкусен как дюшес. Над нами полыхало прекрасное в своем безумии полярное сияние. Мы задрали головы, но Рязанов поторопил нас:

– Ещё насмотритесь, тошнить будет. Бессмысленная игра природы.

Впрочем, было видно, что ему сияние нравится тоже.

Рязанов, прокладывая дорогу по колену в снегу, подвел нас к тыльной, глухой стенке туалета.

– Вот она, шахта алмазная, – сказал он сказочным голосом. – Навались!

Мы навалились и откинули навзничь деревянную стену. Призрачный электрический свет северного неба осветил шесть ржавых бочек. Все бочки были здорово помяты. Над каждой угадывался нимб очка.

– Тут высшее образование не нужно – утешил нас сержант, – вáлите бочку, выкатываете по снежку подальше в тундру. И ломami её, ломami по бокам! Оно замёрзлое и отскакивает. Вот и всё. Переворачиваем бочечку, алмазы пламенные высыпaем, и бочку ставим взад, под её очко родное. Вперед, арлекины. Приду – проверю.

И ушёл, сука...

Для начала мы, конечно, перекурили, усевшись ватными штанами прямо в сугроб.

Потом Панфил прочел нам стихи.

...Я вскормлен был бычками остановок
И впоен был портвейнами подъездов.
Я был далек от всяких группировок,
Материалов не читал о съездах.

Аполитичен был и равнодушен
И беспартиен всей своей основой.
Но я всегда, всегда хотел разрушить
Мир старый. И не делать мира новым.

Кому какое дело? Я свободен
Жить так, как я хочу и понимаю.
Но что-то постоянно происходит
И что-то постоянно отмирает.

А нового не видно и в помине
Глас Божий слился с голосом народа
И тонет хор в торжественном «амине»,
Но он уродлив, словно Квазимодо.

Химера бытия нас манит дальше.
У всех есть шанс. А у меня лишь случай.
Пойду вперед прямой дорогой фальши.

Для всех наверно это будет лучше...

– Хорошо, очень хорошо, – сказал вдруг Кролик.

– Куда уж лучше... – меланхолически отозвался Чучундра.

– Стихи понравились? – ревниво спросил Панфил.

– Категорически настаиваю, что хорошо! – подтвердил Кролик. – Просто прекрасно, что нас призвали осенью. А если бы весной? Оно бы было, страшно сказать, не замёрзшим.

– Может летом его и не чистют, – включился вдруг в разговор проснувшийся от морозного воздуха Батя.

– Конечно, не чистят. Солдаты ведь летом и не гадят, – внес свою лепту Джаггер.

Мы могли бы еще долго обсуждать свойства зимнего и летнего продукта, но нужно было завершать еще не начатое. Дело спорилось в неумелых наших руках. Мы опрокидывали рыжие бочки, выкатывали их, прокладывая широкие автобаны в пушистом снегу.

Затем лупили ломом со всей дури, чтобы мерзлая субстанция отскочила. Высыпали алмазы, которым суждено было дожить лишь до весны.



Часа через полтора алмазные копи опустели. Мы отошли в сторону, отыскивали чистый сугроб и завалились перекурить.

– Послушайте, – сказал Панфил. Он приподнялся из сугроба, широко размахнувшись, отшвырнул окурки, и объявил: – Ещё стихи!

...Черт возьми! Мы увидим небо в алмазах,
Отречемся от глупых, наскучивших сказок.
Разбредёмся по свету мы в поисках правды,
А мешать нам, прошу вас, не надо, не надо.

Мы уже изменились и изменимся больше.
Жизнь устроим красивей, счастливее, дольше.
Нам нельзя помешать – будем яростно драться,
И цветы у нас будут зимой распускаться.

Остановим планету – надоело вращенье,
Сменим зиму и лето на период весенний.

Установим диктат любви, веры, надежды.
Дураков – дураками оставим, как прежде.

Если взяться сегодня, решительно, сразу —
Это будет! Но главное – небо в алмазах!

– Что это за небо в алмазах такое? – возмутился Батя, – в дерьме мерзлом что ли?
– Придурок, – ласково сказал Чучундра, – это же «Дядя Ваня».
– Какой такой Дядя Ваня? – совсем обалдел Батя. – Замполит наш?
– Сам ты замполит, – обиделся Панфил. – Это Антоша Чехов.
– Какой «Антоша», – Батя начал сердиться не на шутку. – Чучундра сказал «Ваня». Что вы меня путаете...

– Батя, Бог с тобой, ты же Митрофанушка...

– Ну вот, тля, еще Митрофанушку каково-то приптели. Вы сами, придурки, ни одного имени запомнить не можете, только ржете надо мной. А у меня голова все помнит, как телефонная книга в сельсовете.

– Батя, притушись, – примирительно сказал Панфил, обнимая коротышку за плечи. – «Дядя Ваня» это пьеса такая, Чехов её написал, у меня матушка в ней играла, она ж актриса, а я маленький на репетициях сидел, вот про небо в алмазах и запомнил.

– Ты вообще, Батя, книжки читал? Ну, кроме телефонной, из сельсовета? – спросил Кролик.

– Я чё, дурак? Ясно дело читал, – опять рассердился Батя. – Толстого читал. Льва Николаича.

– И что тебе запомнилось из прочитанного?

– Лев и собачка! – отрезал Батя.

– Ты, Батя, в библиотеку сходи, – порекомендовал Джаггер, – если ты сержанту скажешь, что в библиотеку хочешь, он тебя точно отпустит. За руку отведет. Сперва в санчасть, а потом в библиотеку. Если фельдшер Аркаша скажет, что ты башкой не съехал.

– Схожу, – уверенно вдруг ответил Батя, – читать умею не хуже вас. Вы все равно только ржете, а мне дома читать некогда было. Я до армии гегемоном был. Нам так председатель объяснял...

...Знал бы Джаггер к чему, в конце концов, приведет его добрый, в общем-то, совет сходить в библиотеку... Но об этом немного позже.

11

...Даже добыча алмазов, даже хождение дневальным по мукам не могут сравниться с кухонным нарядом.

Кухня – это чужая территория. Там опасно все. И если в учебке основное время нас драконят всего двое сержантов, закидоны которых мы выучили уже наизусть, то на кухне царствуют чужие деды и помазки, не ведающие пощады, как янычары.

Гуси на кухне передвигаются только бегом. Перед нарядом нас переодевают в старую форму, которую не жаль измухрыжить и изгваздать. Нужно обслужить завтрак, обед, ужин и чай с бутербродами для ночной смены.

Посуда солдатско-тюремного образца. Это миски и ложки из металла будущего, то есть из проклятого алюминия. Тот, кто хоть раз пытался отмывать алюминиевую посуду от жира, понимает, что я имею в виду.

Вилки и ножи нет. Вилкой солдат может выколоть глаз товарищу. А что он способен сделать ножом – о таком лучше даже не думать. Радуют кружки. Они железные, увесистые и покрыты облупленной эмалью. Мыть их довольно легко.

Посуды хватает только на одну смену. В начале наряда необходимо пересчитать количество мисок, ложек и кружек. Если хотя бы одной недостает, нельзя принимать наряд. Нужно доложить дежурному по кухне прапорщику.

Но это в теории. Попробуй, не прими наряд, когда почти пятьсот голодных солдат начнут занимать места за столами. Мисок и ложек все равно не хватает, потому что их беспрерывно растаскивают старики, устраивающие небольшие пиршества в ротах по вечерам. И конечно, никому не приходит в голову вернуть потом эти миски в столовую.

Фокусы, достойные Акопяна старшего, исполняются нами, чтобы сдать и принять посуду по счету.

В сущности, кухонные наряды беспрерывно обманывают друг друга с количеством посуды. Здесь все против всех.

Некий порядок умудрился внести Чучундра, который предложил безналичный расчет.

Дескать, сегодня у нас не хватает тринадцать ложек. Ладно, мы вам должны. Вот расписка. А завтра или послезавтра у вас не будет хватать пятнадцати. Делаем взаимозачёт и вы нам должны только две.

Все мисочно-ложечные долги писались на бумажках, как при игре в карты без наличных, а потом использовались в качестве твердой валюты.

Например, расписка на тридцать недостающих ложек спокойно менялась на банку сгущенки или две пачки беломора. Пять мисок шли за малый цирик чая со слоном.

Некоторые наживали небольшие состояния.

Биржа рухнула, когда новый начальник столовой, старший прапорщик Голудайло заказал новую посуду в количестве, многократно превышавшем необходимое.

В его оправдание можно сказать лишь то, что сделал он это не из добрых побуждений, а по ошибке. С похмелья вывел в рапорте лишней ноль, и наша часть получила вместо двухсот новых комплектов посуды аж две тысячи. Разворовать такое количество было просто невозможно, и большая часть досталась столовой, навсегда похоронив проблему безналичных спекуляций казенным алюминием.

...Мы попали в наряд вчетвером. Я, Джаггер, Панфил и Чучундра. На кухне жарко и влажно. Пахнет солдатской едой и старым веником.

Посуда моется только вручную. Вот три огромных оцинкованных ванны наполненных крутым кипятком. В первую насыпается сода в невероятных количествах. Во вторую также сода, но в количествах более разумных. В третьей ванной простой кипяток.

В самом начале наряда мы успели получить от повара Феди последнее предупреждение за то, что Чучундра передвигался слишком медленно.

Мы заняли рабочие места судомойке. Джаггер, как самый нахальный и шустрый, летал по обеденному залу, собирая грязную посуду и разнося чистую. Панфил бешено тер миски и ложки в первой ванной с убийственной концентрацией соды и перебрасывал их мне. Я ловил их, как ученая мартышка в цирке, и продолжал мойку в среднем корыте. Затем швырял посуду Чучундре. А уж тот завершал полоскание в последнем, чистом кипятке и расставлял все на деревянных полках.

Руки у нас были красные, точь-в-точь, как гусиные лапы. Животы потемнели от воды. Сапоги скользили по полу. Очки Чучундры запотели и он, полуослепший, метался, как тощий мокрый взбесившийся кролик.

В столовую входила смена за сменой. Мы не успевали. Джаггер снаружи держал оборону как мог.

– Посуду давай! Где миски? – ревели старики.

– Сейчас-сейчас, мужики, – уговаривал их Джаггер, – сейчас все будет тип-топ.

– Какие мы тебе мужики, гусяра, мы дедушки! – и старики швыряли в окно судомойки грязные миски и ложки.

Мы тактично приседали, пропуская посуду над головой. Дежурный прапорщик заглянул к нам.

– Что за беспорядок? – поинтересовался он, – Сменам идти на боевое дежурство, тля, а есть не из чего. Шевелимся, молодежь!

В это в этот момент рядом с ним об стену ударилась миска, брызнув шрапнелью склизкой овсянки, и товарищ прапорщик исчез.

...Кое-как мы перемыли посуду и завтрак завершился. Теперь нам предстояло выдраить все полы в столовой. Это была плевая задача. Повар Федя, известный среди гусей, как гуманист с большой буквы «Г», дедушка, забивший на всё, разрешал мыть полы шваброй.

О, какое наслаждение мыть пол шваброй, а не руками! Мы были готовы помыть эти полы дважды, но повар Федя сказал, что хватит мол, мельтешить у него перед глазами, и отправил нас перекусить.

Ели мы очень быстро. За это Федя, выдал нам десерт – блюдце постного масла, пахнущего семечками, крупную соль и буханку хорошо пропеченного хлеба.

– Только не обделайтесь от счастья, – предупредил он.

– Мы обещаем не обделаться, – торжественно заявил Чучундра.

После десерта повар повел нас чистить картошку. Мы увидели большую, новую, сверкающую никелем и краской чудо-машину. Это был апофеоз военно-кухонной промышленности. Такая машина должна была одним своим существованием внушать страх вероятному противнику. Ведь сытого солдата, как известно, победить невозможно.

– Чистит полтонны картохи в час, – гордо заявил повар. – Необходимая техника, очень ценная. Поэтому картошку мы в ней не чистим. Бережём. А вдруг война? Вот тогда мы ее, родимую и выкатим. Короче, вот картошка, вот ножи. Вот эти два бака должны быть полными через два часа. Сделаете раньше, можете отдыхать.

Через два с половиной часа, изрезав пальцы, натерев мозоли и выслушав все проклятия повара, мы завершили чистку картошки.

В утешение Панфил прочел нам стихи.

...Как дней моих уныла череда!
Мне некуда направить разум пленный.
Слова и мысли – талая вода
И мелочь по сравнению с Вселенной.

С чего начать? Наивный человек,
С душой усталой, грубой и опальной...
Пусть проклянут мой грешный, скучный век
За то, что не был связан нежной тайной.

Ах, вкус любви! Такого не забыть,
Бурли, вулкан горячечного бреда.
Кто не способен женщину любить,
Тот истинного счастья не изведает.

Но все уйдет. И воспарит роса,
И радуга зажжется ей в замену.
Эй, ветер! Дуй в тугие паруса,
И вдохновляй на новую измену!

Непостоянство – истины девиз,
И мы давно и точно замечаем,
Что верность – это временный каприз.
Не скучен мир! Мы сами в нем скучаем.

Долой тоску! Дорога ждет меня.
Схвачу удачу, уловив мгновенье,
И мне судьба подарит при свете дня
Счастливое и вечное паренье!..

...Обед мало отличался от завтрака. Но работали мы уже гораздо быстрее, и нам почти не кидали посуду в окно судомойки. Помыв полы, мы отправились выносить отходы на свинарник.

Два здоровенных бака с помоями с трудом доперли мы вчетвером, изрядно смочив этой дрянью собственные штаны и сапоги.

Свинарем оказался очень грязный и очень веселый солдат. За все время службы он почти никуда не выходил из свинарника, но зато и к нему никто не лез, кроме гусей, дежурящих по кухне.

В свинарнике было тепло и вонюче. В загородках на мокрых опилках лежали свиньи, похожие на грязные контрабасы. Где-то повизгивали поросята, но их не было видно. Мы перекурили с веселым свинарем, который, как выяснилось, на гражданке тоже занимался свиньями и вообще больше ничего в жизни не знал и знать не хотел.

– Что мне нужно? – говорил нам свинарь, беря про запас еще пару папирос. – Ничего! Живу себе, как король. Я даже не комсомолец. Свиньи – не офицеры! Они мне точно ничего плохого не сделают. Если, конечно, пьяный тут не усну...

– А если уснешь? – спросил Чучундра, заинтригованный поворотом разговора.

Свинарь вдруг утратил свою беззаботную веселость и посерьезнел на глазах,

– Если пьяный свалюсь тут и усну – тогда сожрут. Непременно сожрут, – сказал он с какой-то тоской и мукой.

– Но я осторожно пью, с умом. Только у себя в кублушке, а это там, снаружи... – и бросил окурок в навозную лужицу на полу.

Нам пора было возвращаться на кухню.

Ужин обрушился на нас как тайфун. Вечером все были особо злы и голодны. Опять не хватало мисок, и мы не успевали их мыть.

Вопли: «Гуси! Посуду давай!», сопровождаемые грязными мисками, вновь полетели в окно судомойки.

Уже дважды дежурный прапорщик заглядывал к нам, крутил сморщенным недовольным рылом и ободрял:

– Сейчас от помазков-то огребете люля-кебабов, кони вы в яблоках! Ленишься – грех большой! Работа должна быть быстрой и красивой, как смерть пионерки.

Джаггер носился в едальном зале, как черт, заговаривая зубы дедам. Мы терли посуду в кипятке так, что казалось, что вода от наших движений становится ещё горячее.

Навестил нас и повар-гуманист Федя, сообщивший, что попросит наших сержантов оставить нас в наряде ещё на сутки.

– Не то чтоб вы мне очень понравились, – сказал Федя, – но очень уж вы к труду неспособные, вас учить надо.

– Видимо все в этом мире имеет границы, и Федин гуманизм тоже. А безгранична лишь Вселенная, и то лишь на нынешнем этапе познания, – сообщил нам Чучундра.

В окно мойки просунулась шишковатая голова Джаггера и прохрипела так, словно ему уже прижигали пятки:

– Чуваки, давайте миски-ложки, карачун нам приходит! Давать было пока нечего.

Слова у Джаггера явно кончились, и тут я решил, что он рехнулся. Джаггер встал у судомоечного окна и вдруг, перекрывая шум и крики беснующихся стариков, громко пропел приятным хрипловатым тенором:

– Призрачно все в этом мире бушующем... – и сделал паузу. Столовая стихла.

Только кто-то из дедов сказал: «Ого!».

И тут же кто-то другой, более хозяйским и деловым голосом повелительно сказал: «Ну»!

Джаггер продолжил, а Панфил, мгновенно просекший фишку, подхватил вторым голосом:

– Есть только миг, за него и держись...

– Давай-давай, молодые, – поощрительно крикнул все тот же деловой голос, – жгите, черти!

Тут уже присоединился и я, стараясь брать, как можно ниже и не очень фальшивить. И мы втроем грянули:

– Есть только миг между прошлым и будущим...

А дальше, набрав воздуха в грудь, словно ставя на карту все:

– Именно он называется жизнь!..

Обнаружилось, что непоющий Чучундра вполне успешно посвистывает в нужных местах.

И пошло-поехало.

В едких клубах содового пара, полоща миски красными опухшими руками, мы с Панфилом заливались, словно демоны в аду. Чучундра посвистывал, а Джаггер снаружи вел основную партию, подавая и убирая посуду.

Все слушали молча, лишь иногда подбадривая нас воплями: «Давай еще, Карузы!»

Мы давали еще. Мы разжалобили всех, исполнив «Машина пламенем объята...», перепели всего Бумбараша и перешли к неуловимым мстителям. Ужин кончился.

– Аншлаг! Овация! – радовался Джаггер, – Пиплы реально колбасились. У нас и в кабаке не каждый вечер был такой успех...

– Ещё пара таких концертов и мы тут сдохнем, – сказал Панфил, – без всяких оваций.

– Я думаю, точно сдохнем, – согласился Чучундра. Говорил он несколько сдавленно, поскольку губы его занемели и оставались в таком положении, как будто он свистит до сих пор.

– Но есть вариант, – продолжил Чучундра, – знаете ли, любезные друзья, что когда начнутся караулы, а начнутся они скоро, то те, кто ходит в караул, не будет делать наряды по кухне.

– Вопрос, как влезть туда, – сказал я.

– Говно вопрос, – заявил тут же Джаггер, – мне Чингачгук рассказывал, что у них в призыве кто лучше радиообмен писал, того первыми с кухонь снимали в караулы ставить начали. Там шарить нужно.

– Ну, мы, в общем-то, и так все неплохо пишем, – сказал Панфил, – вот только Бабай у нас чуть слабоват, но мы его подтянем.

– Ботать по-аглицки будешь у меня, как сэр и пэр, – заорал Джаггер и треснул меня по плечу...

Мы почти закончили наряд по кухне. Еще нужно было напоить чаем и накормить бутербродами ночную смену. Но их было немного.

В полвторого ночи в столовую завалились человек тридцать сонных микрофонщиков. Им предстояло, подкрепившись, с двух ночи до восьми утра подслушивать натовские самолеты и искать новые частоты радиообмена.

То же самое ожидало и нас по окончании учебки. Впрочем, до этого было еще так далеко...

Еще через пару недель рота действительно была разделена, как и предсказывали Чучундра и Джаггер. Более шарящая половина была допущена до караулов и перестала ходить в наряды по кухне. Наша компания, включая Кролика, но исключая Батю, оказалась в первой половине.

12

...Каждый караул начинался с развода, на котором дежурный по части (ДПЧ), обычно какой-нибудь капитан или старлей, проверял знание устава караульной службы. Пауза между его вопросом и ответом кандидата в наряд, расценивалась, как жестокое, злонамеренное незнание. Не ответив на вопрос ДПЧ, можно было тут же вместо караула оказаться на кухне...

– Так мой праведный еврейский прадедущка учил Тору, как мы учим этот чертов устав, – сказал как-то я.

Прадедущка вызвал широкий интерес.

– Вот это да! – удивился Джаггер. – Так ты что, еврей? Кто бы мог подумать? Что же ты в армии делаешь?

Я вздохнул и пожал плечами. Мне и самому было слегка неудобно. Во-первых, я не очень ощущал себя как-то особенно по-еврейски. Во-вторых, действительно не слишком понимал, что я делаю в армии.

– Бабай, а я думал, что ты грузин какой-то, – сказал Панфил, – а тут вон оно что... Прадедущка, говоришь... Стихи тут пописываешь... Тебе Мандельштам не родственник?

Я вздохнул ещё раз. Мандельштам не был моим родственником.

– Ну и ладно, не родственник и хорошо, – вдруг потерял интерес к теме Панфил, понявший, что, не имея такого родственника, я вряд ли составлю ему поэтическую конкуренцию.

Другие аспекты моего происхождения его вообще мало интересовали.

Чучундра, чтоб я не зазнавался, заявил, что в его роду были шляхтичи, вятичи, рюриковичи и два рабиновича. Хотя насчет рабиновичей – это еще не точно.

Джаггер добавил, что у Чучундры были в роду пустоболы и китайские императоры, и закрыл было национальную тему, но случившийся неподалеку Батя, учинил мне допрос.

– Так что, только прадедущка яврей? – спросил он сурово, – а дедушка? Тоже? А другая родня?..

– Эх! – махнул рукой Батя, явно чем-то расстроенный, – что же всё как-то в жизни не так...

– Чего ты, Батя, – удивился я, – чего пригорюнился?

– Потому что, Бабай, если бы у меня прадедущка был яврей, – объяснил мне Батя, – то я не в леспромхозе бы жопу всю жизнь морозил. А сидел бы себе где-нибудь в Африке и бананы бы ел.

– Батя, но ведь Бабай тут с нами живет, – вон даже в армию умудрился попасть, мудило такое, – попытался образумить Батю Джаггер.

– Да какой он яврей, – разочарованно махнул на меня рукой Батя, – он так, одно название. Добрый он, куревом делится. Я их видал, явреев-то, в клубе у нас, в леспромхозе на площадке. Сионские агрессоры. Урки настоящие! Бабай не похож...

– Ладно, – сказал я, – не могу же я быть похожим на всех сионистских агрессоров сразу...

Пора было собираться в караул. Мы уже были готовы выйти под неверный свет полярного сияния, но Панфил объявил, что почитает нам стихи. И почитал...

...Человек, пронзивший кистью время,
Гений всех времен, эпох и дат,
Дарит взгляд ушедших поколений,
Позволяя сделать шаг назад.

Станет звук увядшим и бесплотным,
Стих умолкнет и умрет язык,
Но живут нетленные полотна —
Сжатый меж столетиями миг.

Было ль у людей пещерных слово?
Память стерла тот наивный век,
Но бегут наскальные бизоны
Сквозь века. И вечен этот бег!

А теперь в цене маститых шайка...
Что ж, не в первый, не в последний раз
Истина, таланты возвышая,
Не умрет, в отличие от нас.

Сколько живописцев позабыто,
Сколько будет позабыто впредь.
Всех пропустит время через сито,
Разделяя золото и медь.

Человек, пронзивший кистью время,
Верь в себя. Для остальных — пиши
Боль свою на полотне сомнений,
Краской выжимая из души.

13

...Что милей всего на свете? Сон! Так, кажется, звучал ответ на одну загадку времен царя Соломона...

Хуже всего – невозможность выспаться. Молодой солдат не должен много спать. Желательно вообще. Это золотое правило в армии, по крайней мере, в нашей воинской части. Принцип, возведенный в абсолют.

Гусь, которому удалось поспать более двух часов подряд, это явный недосмотр сержантов. Поэтому мы постоянно пребываем в состоянии легкой прострации и недоумения. Силы наши всегда на пределе и их не хватает на организованное сопротивление.

Мы заняты постоянно. Мы занимаемся физкультурой, когда не учимся. Идем в наряд, если не укрепляемся спортом. И вновь учимся, заканчивая наряд.

Нам полагается свободное время, два часа в день. Минут шестьдесят из законных ста двадцати мы чистим снег. Снега в Тикси хватает на всех.

Занятия для свободных от нарядов бойцов длятся по десять-двенадцать часов в день.

Мы изучаем расположение натовских авиабаз в различных регионах: Североамериканский континент, Европа, Тихоокеанская Зона. Мы запоминаем на зубок ТТД американских самолетов.

Мы знаем, как идет радиообмен между Комитетом начальников штабов и Пунктом управления пуском межконтинентальных баллистических ракет.

Мы знаем, кто с кем и какими данными обменяется в эфире перед началом Третьей мировой войны.

Мы знаем также, что она не начнется внезапно. По крайней мере, для нас. У нас останется время перекурить.

Много часов отведено политзанятиям. Нас заставляют любить Родину и ненавидеть вероятного противника. Остальных можно просто подозревать.

Замполит Дядя Ваня часто приходит в учебную роту, предварительно убедившись, что мы не чистим оружие. Он долго и нудно рассказывает нам об ужасах капитализма и завоеваниях Коммунистической партии, бубнит что-то про съезды и пятилетки. И в конце неизменно интересуется, кто из комсомольцев хочет выступить.

Выступающий у нас всегда один и тот же. Это Батя. Уже с середины замполитового бенефиса, он истово тянет вверх широкопалую, мозолистую лапу с обкусанными ногтями. Получив слово, торопливо и радостно выпаливает:

– Народ и партия – едины!

Кроме этого, Бате обычно сказать было нечего. Он садился, очень довольный собой.

Радовался и Дядя Ваня такому народному отклику. Но больше всех, разумеется, был счастлив Джаггер, который и научил Батю этой волшебной фразе.

В общем, занятия на фоне недосыпания и постоянной тяжелой физической занятости, давали парадоксальный эффект.

Махровым предательским цветом распускался в наших комсомольских душах жгучий интерес к нашим врагам. И одновременно прорастала постепенно коварная плесень ненависти к окружающей нас действительности.

По крайней мере, замполита ненавидел, кажется, даже сам командир части.

Чтобы как-то примириться на время с безумной реальностью, мы просили Панфила почитать стихи, а тому всегда было что почитать...

...А если не смогу лететь,
И сбросить крылья мне придется —

Пойду пешком, все обойдется,
Я снова буду песни петь.

А если не смогу идти —
И сяду, сбив о камни ноги,
То (вы не будьте слишком строги),
Я попытаюсь поползти...

И еще...

...Устал, устал,
Устал тебя я ждать.
Устал тоской
Быть ежедневно пьяным.

Так могут
Только птицы уставать
Неделями летя
Над океаном...

...В караулы мы попадали примерно пару раз в неделю, и это был лучший наряд из всех возможных. Сержанты, ходившие начкрами, меньше вязались к нам. Принимая, видимо, во внимание, что автоматы-то – вот они, под руками.

В карауле можно было спать в тепле два часа подряд после каждой смены. Короче, это была лафа, реальная, но короткая.

Караулку мыли только один раз в сутки в конце наряда. Смены на постах длились по два часа, и это был двухчасовой холодный ад, тянувшийся вечность.

После этого полагалась двухчасовка отдыха без сна. Время проносилось безжалостно и быстро, но можно было пожрать, покурить и поговорить за жизнь с товарищами. Это называлось – отдыхающая смена. Затем следовал дозволенный двухчасовой же сон, пролетававший ровно в один миг. Таким образом, караульный четыре раза в сутки спал, охранял пост и отдыхал с чаем и папиросами. Это был прекрасный наряд.



...Я стоял, прислонясь к стене продсклада, одетый в ватные штаны, пошив и толстенные новые валенки с двумя парами байковых портянок в их войлочном нутре.

Воротник и капюшон пошива были подняты, а физиономию мою закрывал лепесток-слюнявчик.

Поверх пошива на меня был напаян огромный овчинный тулуп в полный рост. На руках трехпалые солдатские перчатки, а сверху еще гигантские меховые рукавицы.

Всё это великолепие, как торт вишенкой, было украшено автоматом с примкнутым магазином.

Автомат на меня надевали однополчане. Поднять руки вверх в тулупе просто невозможно. В случае чего, я не смог бы не то что стрелять, но даже сдаться.

Я оттолкнулся от стены и пошел вокруг склада. На другой стороне, через дорогу, в желтушном свете прожекторов, вяло подпрыгивала столь же нелепая фигура. Джаггер, а это был он, попытался помахать мне рукой, но не смог. Не пускал тулуп.

– Бабай, пошли покурим, – заорал он мне. Голос из-под слюнявчика звучал придушенно.

Конечно, часовым нельзя ни курить, ни разговаривать. Поймают – вывернут мехом внутрь. Но кто же в мороз и тьму потащится на склады проверять посты? Нет у нас таких офицеров. Их таких еще в Гражданскую перебили... Комиссары в пыльных шлемах... Короче, кто не рискует, тот не курит на посту.

Я перешел через дорогу и мы принялись закуривать. Прежде всего, я зубами стянул рукавицу и перчатку с правой руки. Джаггер повернулся боком. Я вытащил пачку «беломора» из кармана его тулупа. Точно так же я извлек спички, но уже из другого его кармана. Джаггер рукавицей принял перчатку у меня из зубов. Я продул и примял папиросы, одну сунул в синие губы Джаггеру, другую себе, отвернув вниз намордники лепестков.

Нужно было поторапливаться, руки стремительно леденели. Чиркнул спичкой, спрятав её от ветра в лодочке ладоней, дал прикурить ему и себе. Затем, как можно скорее вернул в карманы Джаггера спички и курево, и натянул перчатки с рукавицами.

«Беломор» еще хорош тем, что его, родимого, можно курить, не вынимая папиросу изо рта.

Погода была ясная, радостное полярное сияние окрашивало снег вокруг нас в цвета дискотеки. Мороз ощущался градусов в сорок, да и ветерок, метров восемь, а то и десять в секунду, добавлял удовольствия. Лицо и губы леденели стремительно, так что курить расхотелось очень быстро, а трепаться тем более.

– Давай, Бабай, покедова. Скоро смена, отогреемся, – просипел Джаггер и выплюнул окурок, испустивший синеватый, тощий дух.

– Скоро, Джаггер, – поддержал я, – всего ничего, полтора часа пооколеваем, и мы в избушке.

Слово «пооколеваем» удалось мне плохо. Рот замерзал нещадно.

Я побрел через дорогу обратно на свой пост, по пути поднимая на задубевшее, немеющее от холода и ветра лицо, клапан слюнявчика. Оказалось, что пока я курил, ткань его, промокшая ранее от дыхания, замерзла насмерть. Было чувство, что я пристраиваю на морду кусок выдержанной на морозе жести.

Руки после процедуры прикуривания так и не согрелись. Решив согреться движением, я сделал пару кругов по периметру поста.

Было видно через дорогу, что Джаггер делает то же самое. Фигура его, причудливо расцвеченная полярным сиянием и прожекторами, то появлялась, то исчезала в тени складов. Ледяной ветерок доносил однообразные матюки.

Физическая активность привела пока лишь к одному результату, а именно – у меня начали мерзнуть ноги. Что касается рук, то они не то чтобы не согрелись, а просто окоченели. Я припустил вокруг склада со всей возможной проворностью, путаясь в тулупе.

«Если упаду, то сам хрен встану, – подумал я. – Завалюсь, как мамонт, и замерзну».

Тут мне стало понятно, почему командир части приказал не примыкать штык-ножи к автоматам, чтоб караульные не покалечились, падая хоботом вперед на боевое оружие. Мысль об автомате меня здорово успокоила.

«Не смогу встать, буду стрелять, чтоб услышали», – решил я и порысил дальше. Тактика согревания бегом явно не помогала. Холод и ветер постепенно превращали в лед мои молодые конечности. И лед этот неотступно поднимался все выше, вкрадчиво стремясь к самому сердцу.

Мне вспомнилась сказка про Снежную Королеву. Как там звали этого бедного мальчика? Кай, Кий, Гай? Сейчас не припомнить, холод отвлекает и не дает думать. Время тоже замерзает и останавливает свой ход. Понятно, почему он должен был сложить именно слово «вечность», а не «мир, труд, май», например...

Я перестал изображать бег в тулупе и вновь облокотился о промороженную насквозь дверь склада, обитую рубероидом. Справа от меня, прямо на стене, болтами в палец толщиной, был навсегда привинчен здоровенный железный телефон. По нему, в случае чего, я должен был передать сигнал тревоги в караульное помещение.

Мелькнула глупая мысль, как бы удивились сейчас в караулке, если бы я позвонил и крикнул: «Тревога! Нападение на пост!». Откуда, кто? Вокруг, хрен знает на сколько километров, промерзшая тундра и полярное сияние над головой. Тут нету даже волков, ибо им нечего жрать зимой.

Мысль мелькнула и угасла при взгляде на телефон. Он оброс толстым слоем серого инея. Одно лишь представление о том, что мне придется вытащить голую руку на мороз и взять это промерзшее железо, вызывало ужас.

Я понял, что, что бы ни случилось, я ни за что не прикоснусь к этому стальному куску космического холода. Даже смотреть на телефон было зябко. Я отвел взгляд в сторону.

Полярное сияние услужливо осветило теплотрассу, покрытую деревянным коробом. Возле самой стенки склада короб расширялся в какой-то деревянный куб, внутри которого вероятно прятались краны, вентили и прочие сантехнические потроха.

«А внутри-то наверное тепло» – подумал как бы не я, а кто-то другой в моей голове. «Куда это я?» – спросил я сам себя, а обледеневшие ноги уже волокли моё остывающее тело сторону теплотрассы.

Поверх деревянного куба оказалась крышка. Имелась и щеколда, но замка не было. Не знаю каким образом, я взобрался наверх. Уцепил деревянную держалку замерзшей рукой и, приподняв тяжелую, обитую войлоком и рубероидом крышку, сдвинул ее сторону.

Из-под крышки вырвался пар, и в лицо мне ударил запах нагретого болота. «Там тепло», – опять сказал кто-то в моей голове. «Да ну его нахрен, там наверное стекловата», – возразил я ему. Но он меня уже не слушал.

Моё тело крепче сжало автомат и вниз головой нырнуло в тропический сумрак. Я упал на что-то мягкое. Не знаю, на что. Может быть, войлок, может быть стекловата, мне было все равно.

Минут через десять, кое-как перевернувшись головой вверх, я почувствовал что согреваюсь. Руки я поднять не мог. Поэтому, упираясь головой в крышку, сумел ее передвинуть и почти вернул на место, оставив для освещения, тусклую щель сантиметров в пять.

Я лежал на спине и блаженствовал.

Воняло баней и какой-то тиной. Тепло возвращало к жизни мои окоченевшие члены.

«Погреюсь минут пятнадцать-двадцать, – подумал я, – и буду выбираться наружу».

«Не так уж все и плохо, – мнилось мне, – жить-то можно. Вот закончится учебка, и я стану микрофонщиком или пеленгаторщиком. Буду ходить на настоящие боевые дежурства».

Я представил себя за приемником с гарнитурой на голове. Пальцы мои щелкают по кнопкам настроек и крутят верньеры. В уши струится военный эфир. Рот сурово выкрикивает команды в черный эбонитовый микрофон и требует дать пеленг.

В эфир выходит вдруг гражданский «Боинг» на частоте самолета-разведчика. Я слышу искаженный помехами голос пилота:

«Sky bird, Sky bird, this is board number 14145. Mayday, Mayday, Mayday!»

...stand by my traffic message following...

...I have 300 passengers on the board...

...Toilets number one, two... all toilets shut down. Help! Mayday!»

...Жалость охватывает мое сердце. Оказаться над облаками с неработающими туалетами и тремя сотнями капризных иностранцев – такого не пожелаешь и врагу.

Помочь бедняге я не в силах, и поэтому мне остается только наблюдать за развитием событий.

«Help me, мудило грешный, – умоляет пилот и продолжает, почему-то, голосом Панфила, – вставай, придурок! Братушки! Я нашел этого урода».

В лицо мне бьет свет электрического фонаря. Чьи-то руки хватают меня за воротник и рукава, и выдергивают из теплотрассы, как репку.

Я вижу перед собой Панфила, Джаггера и ещё двоих наших гусей из караула, тех, что должны нас поменять.

Искали меня недолго. На мое счастье сержант Налимов поленился тащиться на пост лично и послал Панфила сменить караулы. Панфил веселился от души и называл меня бомжом из теплотрассы, а окоченевший Джаггер злился, поскольку на его посту подобного оазиса не нашлось.

– Не завидуй, – сказал я ему, – в другой раз поменяемся. И ты поспишь в тепле на стекловате.

Так и порешили. Оставив на постах новых часовых, мы втроем вернулись в караулку. Нас ждал сюрприз.

В караульном помещении напротив сержанта Налимова, удобно расположился, неведом откуда взявшийся Батя. В левой Батиной руке сизо дымилась папиросина, в правой – кружка с чифиром.

Батя, развалясь, восседал напротив сержанта, а Налимов, склоняясь вперед, внимательно слушал.

– Так вот, – продолжил Батя некий, неведомый нам рассказ, – в клубе тогда электричество сломалось, потому что Колька-монтер со столба упал... а Вера Игнатьевна мне и говорит: «Пойдем, поможешь мне тюлю повесить...»

– Это какая Вера Игнатьевна? Завклубом? Которую ты прошлый раз в кладовке оприходовал? – уточнил Налимов.

– Ну да... она самая. «Тюлю повесить», говорит. Знаю я её тюлю...

Батин рассказ, видимо, длился уже долго.

Мы принялись раздеваться. Точнее начали разоблачать едва живого Джаггера, который с трудом мог пошевелиться. Обычное дело после двух часов на морозе с ветром.

Мне в этот раз удалось избежать подобной участи лишь благодаря теплотрассе с незапертым люком. Я наклонился, как мог низко, и, работая локтями, самостоятельно освободился от автомата. Сунул его дулом в пулеуловитель, затем снял тулуп и шапку.

Мне было очень хорошо, я выспался и согрелся.

Панфил и Чучундра стащили с Джаггера автомат и рассупонили задубевший тулуп. Джаггер ожил и застучал зубами.

Панфил между тем рассказал нам историю прибытия Бати.

Сегодня был Батин день рождения. Мы помнили об этом и даже припасли кулек поздравительных конфет с устрашающим названием «Радий».

Существовала традиция, свято соблюдаемая и в учебной роте, и в боевых подразделениях. Один единственный день в году, а именно в собственный день рождения, солдат мог делать все, что хотел. Двадцать четыре часа никто не мог ничего ему приказать.

Можно было спать, шлаться, есть и вообще заниматься всем чем угодно в пределах части.

Мы собирались поздравить Батю после караула, но он, выспавшись и нажравшись сгущенки в чайной, затосковал по интеллигентному общению и забрел в караулку.

Сержант Налимов, смертельно скучавший от безделья в роли начальника караула, обрадовался чрезвычайно.

Он усадил Батю напротив себя, разрешил курить, угостил чифиром и принялся расспрашивать о подробностях Батиних романтических похождениях в леспромхозе.

Простодушный Батя был счастлив. Сержант тоже. Общение ладилось.

Мы разрядили оружие и вернули автоматы в пирамиду.

Батя подводил к концу свой таежный декамерон. Становилось понятно, что его передавала из рук в руки вся женская половина леспромхозовской интеллигенции.

Наумов вздохнул и pokrutil головой.

– Врешь ты все, – сказал он завистливо, – ясно дело врешь. Откуда что берется?.. Так, бойцы, – перешел он на официальный тон, – я ушел спать! Не орать мне. Чтобы всё торчком-пучком...

И ушел в каморку начкара.

Дышать стало сразу намного свободнее. Мы поздравили Батю. Спели хором шепотом «Пусть бегут неуклюже...». Одарили его кульком «Радия».

Было решено пить чай. Кролик извлек из-под топчана трехлитровую, почерневшую от предыдущих заварок банку. Набрали в нее воды, и отогревшийся Джаггер вытащил из подстольного тайника «бур», тщательно сберегаемый от случайных офицеров.

Бур у нас был годный. Трехлитровку невозможно вскипятить какой-нибудь маломощной фигней. Две солдатские подковы и изолятор из четырех обезглавленных спичек между ними прекрасно с этой задачей справлялись.

К подковам были примотаны электрошнуры с неслабым сечением. Провода оканчивались оголенными петельками.

– Ну, поехали, – сказал Джаггер и опустил бур в банку с водой.

Затем он приладил петельки на вилку от настольной лампы и воткнул эту конструкцию в розетку. Немедленно свет в караулке притух. Лампы светили в полнакала.

Послышалось мощное и мерное гудение, словно огромный электрический шмель пытается выбраться из банки наружу. Тут же из подковок забили пузыристые ключи, и через пару минут уже вся банка содрогалась от кипения.

Джаггер отключил агрегат, а Кролик с видом фокусника извлек откуда-то цибик чая и подкинул его в воздух.

– Вуаля! – воскликнул он. – На день рождения, чай индийский, высший сорт!

Кролик разодрал цибик и высыпал его весь в кипятки. Батя мечтательно потянул носом:

– Индийский чай слонами пахнет, – сказал он. – Хороший у меня день рождения, – продолжил Батя. – И чаю хорошо бы попить.

– Так пей, чего ты? – удивился Кролик.

– Так не нолито, – важно сказал Батя, – в день рождения самому себе не наливают.

Видимо, он сильно загордился, пообщавшись с сержантом на короткой ноге.

– Дык, я вам сейчас налью! – шепотом, чтобы не разбудить Налимова, закричал Панфил.

И мы принялись пить чай.

...За чаем мы играли в популярную солдатскую игру, припоминая названия спиртных напитков и сигарет, которые нам посчастливилось отведать в гражданской жизни.

Азартный Джаггер жульничал и называл какие-то лишь ему известные изделия винной и табачной промышленности. Пытался убедить нас, наивных, что ему доводилось куривать сигареты «Житан», запивая их «Араком» и «Кальвадосом».

Батя же, напротив, норовил козырнуть рассыпным самосадом и самогоном, настоящим ради крепости, на курином помете.

В итоге первое место разделили Кролик и Панфил, одновременно заявившие о египетском винном пойле «Абусимбел» и коньячном напитке «Матра», даре братских социалистических славян.

Я, как непредвзятый судья, подтвердил, что видал эти сказочные напитки в магазинах и даже лично пробовал их.

...Когда трехлитровая банка черного чая опустела, и мы перекурили, Батя отколол вот какой номер. Он завалился на топчан, закинул ногу на ногу и вдруг извлек из-за пазухи книжку. Открыл её, и натурально начал перелистывать страницы, слюнявя палец. Изумлению нашему не было предела.

– Батя, что это?! – поперхнулся папиросным дымом Панфил.

– Батя, да ты оборотень, – восхищался Чучундра.

– Филиппок, гадам буду, Филиппок, – веселился Кролик. Батя невозмутимо листал страницу за страницей.

Я присмотрелся. Обложка показалась мне знакомой. Что-то сиренево-фиолетовое. Ленинградские мостики. Какой-то усач в очках-консервах на древнем аэроплане. Ну, точно!

– Батя, ты с ума сошел! У меня была такая в детстве пионерском загорелом. Может, и сейчас дома где-то валяется, если друзья не зачитали. Это «Сундучок, в котором что-то стучит». Верно? Это же детская книжка!

– О! И у меня такая же есть, в смысле, была, – заявил Джаггер, – смешная книжка. Я знаю – это продолжение. Есть еще первая часть, в классе у нас очередь была на нее.

– Где ты её выкопал, Батя? – спросил Кролик. – Ты бы ещё приключения Буратино приволок. Совсем бравый зольдат в детство впал.

– Я сегодня в библиотеке был после чайной, – объяснил Батя, – чтоб вы не думали, что очень умные и в очках, как Чучундра. Там есть библиотекарша. Тилигентная женщина с титьками...

– Интеллигентная! – обрадовался Чучундра.

– С титьками! – восхитился Джаггер.

– Тихо! Ну и что дальше было, а? Батя, правду говори, – зловеще велел Панфил.

– Ничего. Печеньками угостила меня. Сказала, что солдатам нельзя со всех полок книжки брать. Дядя Ваня-замполит запретил. Только с одной полки можно. Я там и нашел. Не очень пока понятная книжка. Пионеры, изобретатели какие-то, пуделя. Зато картинки смешные.

И Батя продолжил листать свою книгу.

– Редкость, между прочим, – сказал Панфил, – теперь эту книгу не достать. Их из всех библиотек изъяли. Это у нас – медвежий угол и замполит полудурок не сподобился. Или особист не доглядел.

– А что с ней не так, с книжкой-то? Она же для детей, – удивился Джаггер.

– С книжкой-то всё так, а вот с автором не очень, – объяснил Панфил, – это же Васька Аксенов написал!

– И что? – спросил я, поскольку, мне это имя тогда не говорило ровным счетом ничего. Да и не был я приучен обращать внимание на авторские имена, хоть и читал запоями.

Панфил же авторов помнил хорошо и имел манеру называть их так, словно давно и коротко знаком был с каждым. Есенина он называл не иначе, как Сережка. Пушкина – Сашка, Катаева – Валька. Единственный, кого Панфил величал полным именем – Виктор, хотя и без отчества, был Астафьев.

Впрочем, и ему не мог простить Панфил подпись под письмом против «Машины Времени».

Нелюбимый писатель у Панфила тоже имелся и был это ни много ни мало аж сам Шолохов. Его-то Панфил как раз не называл даже «Мишка», а исключительно – «старый козел со станицы Вешенской».

– Так вот, – продолжал Панфил, – а знаете вы, где он сейчас, Васька-то Аксёнов?

Мы не знали.

– Он, братушки, ещё года три назад в Штаты свалил.

– Ну и? – спросил Джаггер.

– Ты что, совсем забыл, где живешь? – саркастически сказал Панфил, – говорю же в Штаты, не в Монголию.

– Диссидентом заделался, – понял Чучундра.

– Вот-вот, диссидентом, – сказал я, – а тебе открытку прислал, – да, Панфил? Ты-то откуда знаешь?

Тут Панфил, Джаггер и Чучундра посмотрели на меня, совсем уже как на дурака.

– Ты что, Бабай, такие новости все по «Голосу Америки» или по «Свободной Европе» узнают. Все слушают, и все всё знают.

– Дык я тоже слушал, – начал оправдываться я, – но я всё больше про музыку там и все такое. Вот еще про Сахарова слышал. Но про него и в «Огоньке» писали. Тоже предатель.

– Не знаю насчет Сахарова, а Аксенов-то чего предавал? Он же писака, что он знать-то мог. Задолбало его все, вот и свалил, – заступился Панфил за Ваську.

– И как он свалил? – спросил Джаггер.

– А я знаю? – развел руками Панфил. – Как все сваливают, может в командировку поехал и тью-тью. Мне матушка рассказывала, что с Большого Театра на гастролях каждый раз по несколько человек исчезают. Она ж актрисой служит в театре нашем в Дудинске, они там все в курсе. Понятно, что в газетах такое не пишут.

– И что там, интересно, хорошего? – спросил Чучундра непонятно кого.

– Да уж что-то есть, раз народ бежит, – вступил в разговор Кролик, напряженно молчавший до этого.

– Свалил, и правильно сделал! – внезапно заявил Батя, – пожил бы он, сука белогвардейская у нас в леспромхозе, еще б раньше сбежал. Сидит теперь в Америке, бананы жрет...

– Уймись, Батя, ты что, бананов не ел? – постарался уговорить его миролюбивый Чучундра.

– Как это не ел? Ел два раза, – возмутился Батя, – а я может, каждый день хочу! Что ж мне, до конца жизни кедровыми орехами питаться? Бананы давай!

С этими словами, Батя развернул очередную конфету и отправил в пасть:

– Жирует там этот писатель. А мы тут будем жопы морозить два года. А я еще потом, до самой смерти, в леспромхозе...

Батя злобно заложил книжку писателя-предателя конфетным фантиком и захлопнул ее с пистолетным звуком. Только пыль полетела из-под корешка.

– Тихо!!! – хором выдохнули мы, но было поздно.

Из комнаты начкара высунулся заспанный сержант Налимов.

– Вы, млядь, арлекины, озверели совсем? Начкару отдыхать не даете? А вдруг война, а я уставший?

Он выполз из комнатухи целиком.

– О, уже караул скоро сдавать, – Налимов посмотрел на часы, – а у вас не прибрано. Так, бойцы, кинулись живо, помыли всё.

– Батя, рви когти в роту, пока день рождения не кончился. А то припашу ненароком...

Тут Батя дунул в роту, подальше от греха, а мы, ясно дело, кинулись дружно и все помыли. Наряд закончился.

По пути в учебку над нашими головами продолжало полыхать и струиться полярное сияние. Панфил читал нам стихи...

...Как с истиной разобраться?

Кому беда – не беда...

Судьба не дает авансов,

И кстати, не врет никогда.

Безжалостный, святой, мудрый,

Ты дашь иль не дашь нам днесь?

Днем, вечером, ночью, утром

Незримо присутствуешь здесь.

Идет человек, не зная,

Что чья-то живая рука

Его шаги направляет,

Подталкивая слегка.

Кого-то в чертовы топи,

Иных – в сад райский ведёт.

Торопит рука, торопит,

Идет человек, идёт.

Бывает, предчувствием маешься...

Орлом упадет пятак —

И даже не удивляешься,

Когда случается так.

В безмыслие упершись,

Открыв в изумлении рот,

Ты думаешь, оглядевшись:

«Куда же меня несет?»

Куда? О, нам не добраться.

Ведь нам беда – не беда.

Судьба не дает авансов

И кстати не врет никогда...

14

«Разведчик ра!...» – слышу я голос Панфила из ГГСки.

Я втыкаю кнопку грубой настройки, и «Терек» мгновенно проворачивает свои магнитные потроха в диапазон частот около десяти тысяч мегагерц.

В ту же секунду я тремя пальцами раскручиваю тяжелый маховичок большого верньера и мизинцем доворачиваю верньер малый.

Вижу на электронной шкале 11243. Слышу в головных телефонах доклад пилота-американца и вращаю тяжелый стальной штурвал под столом.

Голос усиливается, и зеленый электрический эллипс на круглом экране осциллографа становится вертикально. Фиксирую штурвал, смотрю на картушку. Восемь градусов. Есть пеленг.

– Возьми на восемь, Панфил, он здесь в море Лаптевых.

– Спасибо.

– Не за что. До связи.

Панфил отключается. Теперь можно и перекурить. Я на Первой Площадке. Как же я сюда попал?

...Весной 1984 года, когда день начал расти, и полярное сияние всё реже и реже полыхало в чёрном небе, в учебку заявили деды с Первой Площадки.

Вся компания была небрежно одета и изрядно под мухой. Деды лыбились, распространяя аромат хорошо выдержанной браги из сухофруктов. Покалякав с сержантами, дедушки изъявили желание посмотреть на гусей.

– Ну, здравствуй племя молодое, незнакомое, – вступил один из дедов, называвшийся Бесом, – как житуха? Не обижают? Если обижают, скажите, мы добавим!

И вся гоп-компания расхохоталась, довольно, впрочем, добродушно.

– Мы скоро уходим, – заявил Бес, – кто-то сейчас, кто-то через полгода. Нужны шарящие гуси. На посты мы вас натаскаем, пеленговать научим. Или заставим. Не в этом дело...

– Вот этот крендель, – продолжил Бес, повертев из стороны в сторону совсем уж пьяненького дедушку, – наш художник. Вангог. Эй, Вангог, покажись-ка молодым.

Вангог, ласково улыбаясь какому-то шедевру внутри себя, тихо покачивался.

– В общем, нужны художники. Художники есть?

Художник у нас был. Его, правда, звали не Вангог, а Айвазовский, но дело свое он знал. Айвазовский отмалчивался, поскольку не собирался ни на какую Первую Площадку даже гипотетически.

Место, даже в нашей части, имевшее славу конченого вертепа и гнезда анархии, не привлекало Айвазовского. Ему была твердо обещана должность ротного художника Второго Подразделения микрофонщиков, и лучшего он не желал.

Дедушки огорчились.

Вангог так даже едва не всплакнул.

– Что же я на дембель не уйду совсем, раз замены мне нет? – горько спросил он.

– Не плачь, Вангог, – утешил его Бес, – найдем тебе на замену какого-нибудь кренделя

– Понял я, художников нет. Но может быть, кто-то рисовать умеет? – переиначил свой запрос Бес.

– Я умею немного, – сказал я, даже не зная, зачем я это говорю, вот уж точно, бес под руку толкнул.

Деды радостно зашумели, а Вангог так даже обнял меня.

– Ты у меня жить будешь, как сыр в смазке, – пообещал он, – лично создам все условия для творческой атмосферы. Курево, чифир, одеколон, все будет! Все обделаем на пло-

щадке, как Микеланджело в Ватикане. Ведь пока ленинскую комнату резьбой не покроем, мне на дембель не уйти. Но если ты рисуешь как Бендер, не взыщи, всю палитру размалюю. Это я тебе говорю как художник художнику.

– А на гитаре не умеешь? – спросил Бес, видимо на всякий случай.

– Умею чуток, – потупился я, проклиная свой длинный язык, – только у меня слуха нет. И голос так себе.

– Вот это крендель! Слуха нет, голоса нет, а все равно поет-играет. Такие нахалы нам нужны, – закричал Бес, – а водку ты пьешь? В Бога веруешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.